

А.Ф. КОСТИН

ОТ УТОПИИ
К НАУКЕ

А.Ф. КОСТИН

ОТ УТОПИИ К НАУКЕ

**ИЗ ИСТОРИИ
РЕВОЛЮЦИОННОЙ МЫСЛИ
В РОССИИ**

МОСКВА «МЫСЛЬ»
1984

Для Мухоморова

№ 2003-227

ЗАРОЖДЕНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ МАРКСИЗМА В РОССИИ

Эпоха падения крепостного права в России характеризовалась крутым подъемом освободительного движения. Главным идейным направлением этого движения являлось революционное народничество, которое оказывало положительное влияние на развитие борьбы широких масс полукрепостного крестьянства против самодержавно-помещичьего строя и усиливавшейся капиталистической кабалы. Однако прогрессивная роль революционно-народнической идеологии была исторически ограничена: она простиралась лишь до того момента, пока пореформенное экономическое развитие страны и рост рабочего движения не создали необходимых объективных предпосылок для появления и распространения марксизма. И, чем дальше шло развитие капитализма, тем больше народнические теории вступали в противоречие с действительностью, становились ее тормозом. В результате уже на рубеже 70—80-х годов прошлого века начался кризис народничества, его эволюция к пролетарскому социализму, с одной стороны, и к мещанско-буржуазному радикализму — с другой¹.

Непосредственный переход от народничества к марксизму занял целое десятилетие — с 1883 по 1893 г. Это было время исключительно трудных и глубоких перемен в российском освободительном движении, когда рушились идейные устои старого народнического социализма и утверждалось новое, марксистское направление в общественной мысли. Процесс смены утопического социализма научным происходил в обстановке резкого усиления политической реакции царского самодержавия, которому не удалось, однако, воспрепятствовать наступлению «эпохи мысли и разума». «Именно в эту эпоху, — писал В. И. Ленин, — всего интенсивнее работала русская революционная мысль, создав основы социал-демократического мирозерцания»².

Зарождение и распространение марксизма в России, как и повсюду в мире, вызывались объективными потребностями общественного прогресса. Промышленный переворот 70-х и особенно 80-х годов определил харак-

тер и направление всего социально-экономического развития страны: от старых, полукрепостнических форм хозяйства к новым, капиталистическим. На этой основе завершилось формирование российского пролетариата как самостоятельного класса и как главной движущей силы революционно-освободительного движения. Вместе с тем резко усилился процесс проникновения капитализма в деревню, сопровождавшийся глубоким расслоением крестьянства, подрывавшим былые устои народнической идеологии. Назревшая необходимость решительного разоблачения всей системы утопических взглядов и ошибочной тактики народничества, их замены теорией и практикой научного социализма становилась велением времени.

Глава IV

ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПЕРЕХОДА ОТ НАРОДНИЧЕСТВА К МАРКСИЗМУ. ОБРАЗОВАНИЕ ГРУППЫ «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА»

Первомартовские события 1881 г. воочию показали несостоятельность идейных позиций и тактики революционных народников. Слабость своих политических противников царизм использует для решительного контрнаступления. Даже те незначительные реформы, которые были осуществлены в ходе отмены крепостного права, урезывались или отменялись вовсе. 29 апреля был обнародован манифест Александра III о неизбежности основ самодержавия; по сути дела он провозглашал «крестовый поход» против любых форм народного протеста.

В 1882 г. в России началась полоса так называемых контрреформ. Реорганизация управления и чистка аппарата коснулись прежде всего таких важных государственных учреждений, как министерства внутренних дел, юстиции, народного просвещения и др. Реакционное дворянство пыталось во что бы то ни стало восстановить свои прежние позиции, укрепить власть.

Контрреформы были направлены на подавление не только революционно-демократического, но и либерального движения. Школа, печать, земские учреждения почти полностью утратили свою былую самостоятельность и ставились под неослабный контроль центральных властей, полиции, духовенства. Губернаторы и местное чиновничество получили широкие полномочия для

расправы с незащищенным населением городов и сел. Согласно положению «Об усиленной или чрезвычайной охране» государства, губернатор имел право закрыть любое учебное заведение, прекратить издание газет и журналов, арестовать каждого заподозренного в антиправительственной деятельности.

Жестоким преследованиям подвергалась демократическая печать. Первой жертвой усиленной царской цензуры стал прогрессивный журнал «Дело»; его руководители Н. В. Шелгунов и К. М. Станюкович были арестованы и высланы из пределов Петербурга. «Отечественные записки» были закрыты весной 1884 г. Из библиотек и читален изымались произведения Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Помяловского, запрету подлежала вся литература, отражавшая революционно-демократические идеи 60—70-х годов.

В целях поддержания разорявшегося помещичьего хозяйства царское правительство усилило свой нажим на крестьян. В обстановке затянувшегося аграрного кризиса, когда цены на продукты земледелия резко снизились, тяжелое бремя выкупных платежей и высокая арендная плата вынуждали многие крестьянские семьи обрабатывать помещичьи земли исполу, возвращаться к системе отработков. Новому закабалению крестьян способствовали правительственные мероприятия (учреждение дворянского банка, значительное увеличение налогов на промышленные товары первой необходимости, законы о найме на сельские работы, о семейных разделах среди крестьян и т. п.).

Усиление экономического гнета помещиков сопровождалось политическим давлением на крестьянское население страны. Создается специальный институт земских начальников, призванных усмирять и «воспитывать» крестьян. В лице земского начальника воскрес грозный крепостной владыка, который мог распоряжаться судьбой крестьянина по своему усмотрению, на благо помещику.

В условиях реакции резко усилился национальный гнет. Царское правительство, разжигая рознь между народами России, всячески поддерживало идеологию воинствующего великодержавного шовинизма. Деятели национальной культуры подвергались гонениям, издания и школы на родных языках сокращались.

Царская реакция 80-х годов делала все, чтобы сохранить сословные привилегии дворянства, но полностью реализовать свою программу представители гос-

подствующего помещичьего класса уже не могли. Экономические меры, принимаемые правительством для ограждения помещиков от разорения, учитывали также интересы нового класса — буржуазии, ее растущую роль в хозяйственной жизни страны. Развитие капиталистических отношений шло быстрыми темпами. Происходил интенсивный рост промышленности, широко развевалось железнодорожное строительство, в деревне углублялся мучительный процесс вытеснения отсталых, полукрепостнических форм хозяйства товарно-капиталистическими.

За десятилетие (1879—1889 гг.) количество крупных предприятий, насчитывающих не менее тысячи рабочих, увеличилось на 26%, число занятых в них рабочих возросло на 43%, а сумма выпущенной ими продукции — на 58%. Примерно за тот же срок мощность паровых машин, применявшихся в промышленности, поднялась в 3 раза¹.

Фабрики и заводы, созданные на базе примитивной техники и полуфеодальных отношений дореформенного периода, не выдерживали конкуренции с предприятиями, организованными на новой, капиталистической основе. Старый крепостной Урал уступил свои ключевые позиции в промышленном развитии новым районам на юге страны и на Кавказе, где резко возрастает добыча каменного угля, нефти, выплавка чугуна и стали. К середине 80-х годов были построены крупнейшие железнодорожные магистрали страны.

Ведущее место в промышленном развитии России принадлежало металлургии. В 80-х годах темпы роста выплавки чугуна в стране оказались выше, чем во Франции, Англии и США². Одновременно происходил процесс совершенствования металлургического производства, интенсивного внедрения в производство новых методов выплавки чугуна, стали, проката. Успешно развивалось машиностроение, вытеснявшее кустарную промышленность и мануфактуру, основанные на ручном труде. Особенно быстро росли ведущие отрасли крупной индустрии: металлургическая, угольная и нефтяная. К началу 90-х годов страна превратилась в среднеразвитую капиталистическую державу.

Развитие капитализма в России привело к глубоким сдвигам в классовой структуре общества. Все более многочисленным становится рабочий класс. Быстро формируется класс новых собственников в лице русской буржуазии. К 1890 г. на предприятиях крупной обрабаты-

вающей и горнозаводской промышленности насчитывалось 1 039 тыс. рабочих. Важное место имело то обстоятельство, что около трех четвертей всего фабрично-заводского пролетариата России было сосредоточено на предприятиях с числом в 100 и более человек³.

Быстрый рост промышленного производства создавал все новые и новые предпосылки для укоренения капиталистических отношений в деревне. Шел ускоренный процесс разложения крепостного хозяйства и экспроприации крестьянских масс. По данным, приведенным В. И. Лениным в работе «Развитие капитализма в России», помещики 80-х годов значительно увеличили применение в своих хозяйствах наемного труда. С развитием капитализма в деревне год от году усиливался процесс дифференциации крестьянства. Из 13 млн. крестьянских хозяйств 1,5 млн. приходилось на кулаков, 1 млн. — на середняков и 10,5 млн. — на бедняков⁴. Крестьянская беднота влачила жалкое существование. Все помыслы основных масс российского крестьянства по-прежнему сосредоточивались на необходимости уничтожения помещичьего землевладения. Наряду с этим в деревне идет острая борьба между беднотой и кулачеством. Крестьянское движение, развертывавшееся на Украине, в Поволжье, в Курской и Вологодской губерниях, принимало самые разнообразные формы — от подачи жалоб на незаконные действия помещиков и представителей местных властей до прямого захвата помещичьей и кулацкой собственности. Борьба крестьян за землю доходила даже до вооруженных столкновений с полицией, но она была локальной и носила неорганизованный и разрозненный характер.

Крестьянское (как и студенческое) движение этих лет находилось под влиянием стачечной борьбы пролетариата. Рабочие заражали крестьян своей организованностью, сплоченностью. По мере роста капиталистической промышленности ряды городского пролетариата все чаще пополнялись выходцами из крестьян, а в деревню ссылались рабочие, участвовавшие в «беспорядках». В России, по определению Ленина, выросло новое поколение крестьян, побывавших в отхожих промыслах, в городах, кое-чему научившихся в результате горькой бродячей жизни и наемной работы.

Стаечное движение пролетариата вызывалось прежде всего дальнейшим усилением капиталистической эксплуатации трудящихся. На большинстве фабрик и заводов рабочий день длился по 12—15 часов в сутки. Тяже-

лая материальная нужда усугублялась массовой безработицей. Пользуясь этим, предприниматели произвольно снижали заработную плату, беспощадно штрафовали рабочих. «Штрафы, — писал Ленин, — явились результатом полного развития капитализма и полного порабощения рабочего... Гнет капиталистов над рабочими дошел до своего высшего развития.

Но этот гнет вызвал и сопротивление рабочих»⁵.

Как и в 70-х годах, Петербург оставался одним из важнейших центров стачечной борьбы пролетариата. Только во второй половине 80-х годов здесь произошло 35 стачек и волнений. Увеличивается количество наступательных стачек. Если в первом пятилетии стачки с требованием улучшить положение рабочих составляли 11%, то во втором — их уже было 34%⁶. Очагами стачечного движения стали и другие крупнейшие города и промышленные районы Центральной России, Украины, Белоруссии. Поднимались на борьбу рабочие Польши, Прибалтики, Кавказа. Стачки и волнения пролетариата становились важнейшим фактором революционного движения в России. И это понятно, ибо рабочий класс вырос не только в количественном, но и в качественном отношении: он стал проявлять больше стойкости и решительности в своих действиях против капиталистов, за его плечами был уже немалый опыт политической борьбы.

Самым значительным событием рабочего движения 80-х годов явилась стачка на Никольской мануфактуре (г. Орехово-Зуево), принадлежавшей крупнейшему фабриканту Т. Морозову. Около 11 тыс. рабочих подвергались здесь жесточайшей эксплуатации и безграничному произволу администрации. Стачка началась 7 января 1885 г. и продолжалась около двух недель. Непосредственной причиной стачки явились непомерные штрафы, обчеты рабочих при выдаче заработной платы, грубый произвол фабричной администрации. В первый же день стачки забастовало несколько тысяч рабочих; они требовали возвращения штрафных денег, сокращения продолжительности рабочего дня для подростков и введения фабрично-заводского законодательства. В ответ на законные требования ткачей фабрикант вызвал войска, которые приступили к насильственному подавлению забастовщиков. Рабочие казармы были окружены тремя батальонами пехоты и двумя сотнями казаков. Власти решили жестоко наказать забастовщиков. Из 600 арестованных рабочих 33 были преданы суду⁷. На суде, со-

стоявшемся весной 1886 г. во Владимире, была вскрыта система бесчеловечной эксплуатации и произвола, царивших на фабрике Т. Морозова. Петр Моисеенко, Василий Волков и другие организаторы стачки в своих выступлениях на суде разоблачали чудовищный гнет и притеснения, которым подвергались рабочие, мужественно отстаивали требования рабочих. Для всех участников процесса суд присяжных вынужден был вынести оправдательный приговор. «Этот приговор суда, — писал В. И. Ленин, — явился прямым осуждением не только Морозова и его администрации, но и всех вообще старых фабричных порядков»⁸.

Орехово-Зуевская стачка и суд над тридцатью тремя ее участниками всколыхнули общественное мнение передовых слоев русского общества. Царское правительство вынуждено было сделать некоторые уступки рабочим.

В июне 1886 г. был принят закон «О надзоре за заведениями фабричной промышленности», в котором признавалась необходимость регулярной выдачи заработной платы рабочим, запрещалось расплачиваться товарами или купонами, штрафы за прогулы не могли быть выше одного рубля и должны были идти не в карман фабриканту, а на общие нужды рабочих. В то же время в законе содержалось запрещение на проведение стачек и предусматривались другие подобные запреты. Но при всем этом закон неизбежно давал новый толчок рабочему движению.

Во второй половине 80-х годов волна стачек прокатилась по предприятиям Московской и Владимирской губерний. В 1885 г. бастовали ткачи Даниловской, Измайловской, Вознесенской, Глуховской и Тверской мануфактур. Развитие стачечного движения не ограничилось пределами одного только Центрально-Промышленного района — оно снова охватило крупнейшие рабочие центры страны. В первых рядах стачечной борьбы шли текстильщики, металлисты, рабочие горнорудной промышленности. Всего с 1885 по 1889 г. в России произошло более 300 выступлений рабочих; это в 2 раза превышало количество стачек и волнений предшествовавшего пятилетия⁹.

Развитие рабочего движения, несмотря на слабую организованность и стихийность, оказывало возрастающее влияние на расстановку классовых сил в стране и их политические действия. Систематические выступления пролетариата царское самодержавие встретило уси-

лением полицейских репрессий. Под напором событий, происходивших в политической и экономической жизни общества, либеральная буржуазия еще больше правела и шла на сближение с реакцией. В то же время традиционная ставка народников на крестьянство как главную силу революции обнаружила полную несостоятельность и теряла своих сторонников. Настроение упадка и пессимизма, проповедь теории «малых дел» становились буквально знаменем эпохи. Многие либерально настроенные интеллигенты превращались в реакционеров, а революционеры — в либералов и даже в открытых пособников царизма. «Презренное время... презренное со всех сторон!» — с горечью характеризовал его М. Е. Салтыков-Шедрин¹⁰.

После 1 марта 1881 г. часть народников отказалась от революционной борьбы с царским правительством, вступила на путь соглашательства и реформизма. Теоретики народничества проповедовали теперь лишь мирные реформы, не затрагивавшие коренных устоев помещичье-буржуазного строя. «Из политической программы, рассчитанной на то, чтобы *поднять крестьянство* на социалистическую революцию *против основ современного общества*, — писал Ленин, — выросла программа, рассчитанная на то, чтобы заштопать, «улучшить» положение крестьянства *при сохранении основ современного общества*»¹¹.

Идейный кризис разъедал буквально все группы и направления народничества. Народовольческая тактика политического переворота без участия народных масс терпела одно поражение за другим. Все попытки восстановить «Народную волю», оживить деятельность ее кружков и групп в разных районах страны оказывались тщетными. Апатия и разочарование охватили широкие круги разночинной интеллигенции. В этих условиях молодые участники народовольческого движения ищут выход из тупика, который мог быть найден только на пути перехода от утопического социализма к научному.

В середине 80-х годов революционная группа студентов Петербургского университета во главе с А. И. Ульяновым (1866—1887 гг.) полностью сосредоточивает свою деятельность в рабочей среде. В программе, разработанной Александром Ульяновым, утверждалось, что социализм возникает в результате развития «капиталистического производства и порождаемого им отношения классов»; за рабочим классом признавалась решающая роль в общественно-политической борьбе, и поэтому он

должен составить «ядро социалистической партии, ее наиболее деятельную часть»¹². Членов группы уже не удовлетворяли доктрины народничества. Они усиленно искали пути сближения с марксизмом, изучали «Капитал» К. Маркса, были знакомы с первыми произведениями Г. В. Плеханова. А. И. Ульянов высказывал мнение, что разногласия между народниками и социал-демократами «очень несущественные»¹³. Группа не могла еще полностью отрешиться от народовольческих идей: свержения самодержавия и завоевания политической свободы она рассчитывала достичь при помощи политического заговора революционеров. Ее развитие в сторону социал-демократии было прервано царским правительством, которое казнило Ульянова и его товарищей за подготовку покушения на жизнь Александра III.

Революционные организации народников, преследуемые царским самодержавием, быстро распались. Вскоре после провала типографии, а затем и самой организации «Черного передела» в Петербурге (декабрь 1879 г.) эта народническая группа распалась на отдельные кружки, а ее наиболее активные участники были вынуждены эмигрировать за границу.

Между тем главной причиной неуклонного свертывания народнического движения была сила экономического развития: быстрый рост капиталистических отношений в сельском хозяйстве, расслоение крестьянства на сельскую буржуазию и сельский пролетариат. «...Деревня давно уже совершенно раскололась,— отмечал В. И. Ленин. — Вместе с ней раскололся и старый русский крестьянский социализм, уступив место, с одной стороны, рабочему социализму; с другой — выродившись в пошлый мещанский радикализм»¹⁴.

Развитие капитализма, появление первых отрядов промышленного пролетариата, усилившийся процесс социальной дифференциации деревни — таковы основные слагаемые той объективной действительности, которые в конечном счете обусловили кризис народничества и распространение марксизма в России. Однако новые объективные условия сами по себе, автоматически не могли породить новых идей. Коренной поворот в сознании революционеров происходил прежде всего под влиянием негативных результатов собственной практики. Понадобился мучительный опыт неудач «хождения в народ», в крестьянство, горькие уроки землевольцев и народвольтцев, чтобы лучшие представители народнического движения убедились в полной несостоятельности своих

прежних, утопических доктрин и восприняли теорию научного социализма.

Революционные народники уже не могли закрывать глаза на то, что русская община, с которой они связывали все свои надежды на социалистическое будущее, не выдержала натиска капитала: ее средневековые устои повсеместно размывались. Вместе с тем обнаружилась своя полная непригодность и новая тактика народвольтцев с их прежней ориентацией на крестьянство как главную силу революции. Смена народничества марксизмом становилась, таким образом, самой актуальной проблемой русского освободительного движения.

Большое влияние на поворот освободительной мысли России от утопии к науке оказала победа марксизма в рабочем движении Запада. В 80-х годах в странах Западной Европы наблюдался новый подъем рабочего движения и завершался процесс образования массовых социал-демократических партий. Исторический опыт все более и более подтверждал великую жизненную силу марксизма, в котором западноевропейский пролетариат обрел свое верное идейное оружие. Широкое распространение марксизма на Западе, вытеснившее с общественной арены все другие формы социализма, привлекало внимание революционных сил России.

Конечно, свои позиции в освободительном движении старое революционное народничество уступало не без борьбы. Но народники уже не могли противостоять ни растущему влиянию марксизма среди прогрессивно настроенной интеллигенции и передовых рабочих, ни натиску реформистской идеологии в собственных рядах. Вся идейно-теоретическая система взглядов и поступков народничества пришла в противоречие с потребностями социально-экономического развития России и становилась серьезным тормозом на пути освободительного движения. Революционное народничество перерождалось в либеральное. Вот как характеризует В. И. Ленин перемену, происходившую во взглядах и тактике русского народничества после мартовских событий 1881 г.: «Тускнела вера в особый уклад крестьянского хозяйства, в общину, как зародыш и базис социализма, в возможность миновать путь капитализма посредством немедленной социальной революции, к которой готов уже народ. Политическое значение сохранили только требования всяческих мероприятий по укреплению крестьянского хозяйства и «мелкого народного производства» вообще. Это было уже, в основе своей, не более как буржуазное ре-

форматорство; народничество расплывалось в либерализме; создавалось либерально-народническое направление, которое не хотело видеть или не могло видеть, что проектируемые мероприятия (все эти кредиты, операции, мелиорации, расширения землевладения) не выходят из рамок *существующего* буржуазного общества»¹⁵.

Быстро нараставший кризис народолюбчества свидетельствовал о крахе всей народнической идеологии, превратившейся в серьезный тормоз революционного движения в России. В этих условиях значительная часть теоретиков народнического социализма разуверилась в достижении «социалистического идеала» и эволюционизировала от крестьянской революционности к мещанско-буржуазному радикализму. Уже в первой половине 80-х годов реформистское направление в народничестве, находившееся дотол в эмбриональном состоянии, получает свое теоретическое обоснование и развитие. Народнические экономисты (В. П. Воронцов, Н. Ф. Даниельсон и др.) пытаются доказать возможность «мирного» пути развития общины к социализму, приемлемого для власти имущих. Позднее защиту взглядов либерального народничества взяла на себя редакция «Русского богатства» во главе с Н. К. Михайловским, открыто выступившая против марксизма.

Однако идейный кризис революционно-народнического движения имел наряду с негативными и позитивные последствия. В результате кризиса из рядов этого движения вышли не только идеологи мелкобуржуазного реформаторства, но и активные деятели рабочего движения, которые сумели преодолеть свои прежние утопические взгляды и встать на позиции научного социализма.

Первыми на путь марксизма вступили Г. В. Плеханов и его ближайшие соратники по бывшей группе народников-чернопередельцев: П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич, Л. Г. Дейч и В. Н. Игнатов. Это были самые ранние провозвестники идей научного социализма в нашей стране. В прошлом все они принимали активное участие в народническом движении. И каждый из них проделал трудную эволюцию от утопического социализма к научному, характерную для многих представителей первого поколения российской социал-демократии.

Г. В. Плеханов (1856—1918) был одним из видных теоретиков и практиков революционного народничества. Еще в студенческие годы Георгий Валентинович всту-

пил в революционное движение, установив связи с народниками и рабочими Петербурга. Он принял самое активное участие 6 декабря 1876 г. в известной демонстрации на площади у Казанского вокзала, где выступил с речью. С этого времени Плеханов уходит в подполье, становится профессиональным революционером. Преследуемый царскими властями, он ведет кочевой образ жизни: переезжает из города в город, участвует в «хождениях в народ».

В 1877 г. Плеханов вступает в члены общества «Земля и воля», ведет большую редакторскую и литературную работу. В своих статьях он защищает и обосновывает программу и тактику народнического движения; в них, по собственному его признанию, он оставался «народником до конца ногтей»¹⁶.

После Воронежского съезда «Земли и воли» (1879 г.) Плеханов, отвергнув рискованный курс будущих народолюбцев на террористическую борьбу с самодержавием, создал группу «Черный передел». В этой организации он продолжал отстаивать старую земледельческую программу и тактику борьбы. Однако возглавляемая им группа чернопередельцев недолго продержалась на занятой позиции. Так, уже в № 3 журнала «Черный передел» Плеханов наряду с подчеркиванием приверженности чернопередельцев программе общества «Земля и воля» указывал на необходимость признания политической борьбы. ««Черный передел», — писал он, — лишился бы значительной доли практического значения, оставаясь вполне безучастным к политическому вопросу, столь жгучему теперь в России»¹⁷. Вскоре наиболее деятельная часть чернопередельцев во главе с Плехановым не только осудила тактику индивидуального террора народолюбцев, но и полностью отрезилась от иллюзий народнического социализма.

В 1880 г. Г. В. Плеханов, скрываясь от преследования царских властей, был вынужден эмигрировать за границу. Проживая во Франции и Швейцарии, он близко знакомится с опытом рабочего движения на Западе, тщательно изучает марксистскую литературу, осуществляет перевод «Манифеста Коммунистической партии» на русский язык. Все это позволяет ему по-новому оценивать народническое движение, глубоко вскрыть его противоречия и ошибки. Теория марксизма, писал Плеханов впоследствии, подобно Ариадниной нити, вывела русских революционеров из лабиринта противоречий; она показала им действительные пути свержения цариз-

ма и капитализма, раскрыла роль рабочего класса как главной движущей силы революции, разоблачила ошибочность взглядов и тактики народников. «Чем больше мы знакомимся с социал-демократической литературой, — вспоминал он, — тем яснее становились для нас слабые места наших прежних взглядов, тем правильнее преобразался в наших глазах наш собственный революционный опыт»¹⁸.

Столь же сложным был переход от народничества к марксизму и для остальных членов будущей группы «Освобождение труда».

П. Б. Аксельрод (1850—1928) являлся активным участником народнического движения 70-х годов. В 1874 г., спасаясь от преследований царской полиции, он эмигрирует за границу, где сблизился с бакунистами и редактировал их журнал «Община». После отъезда Плеханова из России Аксельрод возглавляет группу «Черный передел». К началу 80-х годов намечается отход Аксельрода от народнических взглядов и поворот к марксизму. Свидетельством этому служат, в частности, его статьи и выступления по вопросам рабочего движения на Западе. Он принимал деятельное участие в группе «Освобождение труда».

В. И. Засулич (1851—1919) с семнадцати лет участвовала в революционном движении, была в ссылке, сидела в Петропавловской крепости. В 1878 г. она стреляла в петербургского градоначальника Трепова в знак протеста против телесных наказаний политического заключенного. Ее имя было широко известно среди русских революционеров разночинского периода и социал-демократов Европы. В 1879 г. Засулич, вернувшись из-за границы, принимает активное участие в народнической группе «Черный передел». В начале 80-х годов она порывает с народничеством и входит в число основателей первой марксистской группы «Освобождение труда». Вере Ивановне Засулич принадлежит перевод на русский язык ряда работ Маркса и Энгельса.

В. Н. Игнатов (1854—1885) принимал активное участие в народническом движении 70-х годов, был членом «Земли и воли» и «Черного передела». Ему недолго пришлось поработать в группе «Освобождение труда»: в 1885 г. он умер от чахотки. На деньги, полученные Игнатовым от продажи имения и завещанные им товарищам по борьбе, была создана типография первой организации русских марксистов.

Л. Г. Дейч (1855—1941) — один из организаторов народнического движения на юге России. В 1878 г. за попытку поднять крестьян на восстание он арестовывается и заключается в Киевскую тюрьму*, откуда совершает смелый побег. С 1879 г. Дейч — член «Земли и воли», а после ее раскола участвует в работе «Черного передела». В начале 80-х годов он эмигрирует за границу и примыкает к группе «Освобождение труда». На него как опытного конспиратора возлагается транспортировка марксистской литературы в Россию, но в 1884 г. Дейч арестовывается германской полицией и выдается царским властям.

Исключительно важную роль в формировании марксистских взглядов будущих участников группы «Освобождение труда» сыграла работа Плеханова над русским переводом «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса. «Лично о себе могу сказать, — писал Георгий Валентинович, — что чтение «Коммунистического Манифеста» составило эпоху в моей жизни. Я был вдохновлен «Манифестом» и тотчас же решил его перевести на русский язык. Когда я сообщил о моем намерении Лаврову, он отнесся к нему равнодушно. «Конечно, следовало бы перевести «Манифест», — сказал он, — но Вы сделали бы лучше, если бы написали что-нибудь сами». Я не торопился выступить сам и предпочел сначала перевести «Манифест»¹⁹.

«Равнодушие» Лаврова к переводу «Манифеста Коммунистической партии» на русский язык было весьма показательным. Он, как и другие лидеры народничества, без различия оттенков, продолжал придерживаться ошибочной теории «исключительности» русского исторического процесса, которая находилась в явном противоречии с реальной действительностью. Поэтому-то с первых же шагов своей деятельности пионерам марксизма в России пришлось вести упорную борьбу с народничеством.

Подготовленное Плехановым русское издание «Манифеста Коммунистической партии» вышло в свет в 1882 г., еще до основания группы «Освобождение труда». В него наряду с плехановским переводом текста «Манифеста» были включены: а) предисловие авторов к русскому изданию; б) предисловие авторов к немецко-

* Речь идет о так называемом Чигиринском деле. Используя подложную царскую грамоту, Л. Дейч вместе с Я. Стефановичем и И. Бохановским организовали в 1877 г. заговор крестьян против помещиков, который закончился провалом и массовыми арестами.

му изданию 1872 г.; в) несколько слов от переводчика. В приложении к книге были помещены отрывок из произведения К. Маркса «Гражданская война во Франции», а также «Устав Международного товарищества рабочих». Как по качеству перевода, так и по составу документов и их обработке русское издание «Манифеста Коммунистической партии» отвечало высоким научным требованиям. В. И. Ленин специально подчеркивал, что группа «Освобождение труда» дала в свое время наиболее точный перевод «Манифеста», а также других произведений зарубежной марксистской литературы²⁰.

Принципиальное значение имело опубликование предисловия К. Маркса и Ф. Энгельса к русскому изданию «Манифеста». В нем указывалось на быстрый рост революционного движения в России, которое становилось важнейшим фактором международной политической жизни. «Во время революции 1848—1849 гг., — писали Маркс и Энгельс, — не только европейские монархи, но и европейские буржуа видели в русском вмешательстве единственное спасение против пролетариата, который только что начал пробуждаться. Царя провозгласили главой европейской реакции. Теперь он — содержащийся в Гатчине военнопленный революции, и Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе»²¹.

Неизменно подчеркивая большое международное значение борьбы русских революционеров против царского самодержавия, Маркс и Энгельс в то же время не оставили без внимания и вопрос о судьбах крестьянской общины, волновавший не одно поколение передовых людей России. Как видно из предисловия, взгляды Маркса и Энгельса на этот счет не претерпели существенных изменений²². Отнюдь не разделяя утопических иллюзий народников, они тем не менее считали, что окончательный ответ на вопрос о роли общины могут дать только дальнейшее экономическое развитие страны и революционная практика.

Основоположники научного коммунизма были полны самой глубокой веры в историческую миссию революционной России. Они надеялись, что самоотверженная борьба революционных народников расшатает устои царского самодержавия и развяжет могучие силы русской революции, которой они предсказывали великое будущее.

К. Маркс и Ф. Энгельс исходили из того, что социалистическую революцию начнет пролетариат передовых

стран Западной Европы. Однако этим они вовсе не исключали той возрастающей роли в международных революционных событиях, которую играло освободительное движение пореформенной России. Более того, Маркс и Энгельс допускали даже следующую альтернативу: «Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополнят друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития»²³.

Однако несколько позже, а именно в 1894 г., Энгельс следующим образом объяснил мотивы, по которым Маркс не мог тогда до конца высказать своего мнения об общине: «Падение царизма казалось близким; революция в России должна была лишить всю европейскую реакцию сильнейшей ее опоры, ее великой резервной армии, и тем самым дать новый могучий толчок также и политическому движению Запада, создав для него вдобавок несравненно более благоприятные условия борьбы. Неудивительно, что Маркс в своем письме советует русским не особенно торопиться бросаться в водоворот капитализма»²⁴.

Между тем бурный рост капиталистических отношений в России с неотвратимой силой разрушал утопические иллюзии идеологов народнического социализма. Историческая заслуга Плеханова и его сторонников заключалась в том, что они без колебаний приняли конечный вывод основоположников марксизма о вступлении нашей страны на путь капитализма и руководствовались им в своей теоретической и практической деятельности.

В историю 80-е годы прошлого века вошли как годы крутого перелома в развитии революционно-освободительной мысли в России. Начавшийся идейный кризис народничества заставил передовую часть русской интеллигенции критически пересмотреть свои прежние утопические взгляды на развитие общества и перейти на позиции марксизма. В кратком вступлении к изданию «Манифеста Коммунистической партии» Плеханов писал, что «сочинения Маркса и Энгельса открывают новую эпоху в истории литературы, эпоху беспощадной критики буржуазных отношений и чуждого всяких утопий научного обоснования социализма». Все содержание и дух комментария «Несколько слов от переводчика» наглядно свидетельствовали о серьезной эволюции Плеханова к марксизму. Вопреки догме анархистов-народников Плеханов особо подчеркнул роль политической борьбы.

Вместе с тем он обращал внимание читателей «Манифеста» на пропаганду основ научного социализма среди рабочих. «Было бы очень желательно, — указывал Плеханов, — чтобы имеющая возникнуть русская рабочая литература поставила себе задачей популяризацию учения Маркса и Энгельса»²⁵.

Завершающим этапом на пути перехода Плеханова и его ближайших единомышленников от народничества к марксизму явилось образование группы «Освобождение труда». К этому времени все попытки, предпринимавшиеся в целях объединения чернопередельцев с народолюбцами, потерпели полное крушение. Несмотря на настоятельное приглашение Лаврова, Плеханов отказался войти в редакцию «Вестника «Народной воли»», а последняя по сути дела отвергла его статью, критиковавшую народничество с марксистских позиций*. Решительно порвав идейные и организационные связи с «Народной волей», участники плехановской группы горячо обсуждали вопрос о программе будущей организации и о ее названии. Только после долгих споров, по свидетельству Л. Дейча, вновь созданную организацию было решено назвать группой «Освобождение труда»²⁶.

Первая организация русских марксистов — группа «Освобождение труда» была основана осенью 1883 г. За подписями Плеханова и Аксельрода 25 сентября вышло официальное объявление об издании «Библиотеки современного социализма», в котором бывшие члены «Черного передела» открыто порывали со старыми, анархическими взглядами на революционное движение в России и заявляли об изменении своей программы «в смысле борьбы с абсолютизмом и организации русского рабочего класса в особую партию». Объявление об издании «Библиотеки современного социализма» содержало четкую и ясную программу литературно-пропагандистской деятельности группы «Освобождение труда». Она сводилась к следующим главным пунктам: а) распространение идей научного социализма путем перевода на русский язык основных трудов Маркса и Энгельса и оригинальных марксистских произведений; б) критика народнических теорий и разработка важнейших вопросов русской общественной жизни с точки зрения марксизма и интересов трудящихся²⁷.

* Это статья «Социализм и политическая борьба» (Плеханов Г. В. Соч., т. XIII, с. 23—33).

Плехановская группа впервые и со всей категоричностью заявила о своем полном разрыве со старыми, народническими теориями и перестройке дела организации и воспитания русского рабочего класса в духе научного социализма и политической борьбы²⁸. При этом признание передовой роли пролетариата провозглашалось главным условием успешного развития революционно-освободительного движения.

Свою деятельность группа «Освобождение труда» начала с издания трудов основоположников марксизма; за короткий срок были переведены на русский язык и выпущены в свет «Манифест Коммунистической партии», «Нищета философии», «Наемный труд и капитал», «Развитие социализма от утопии к науке», «Людвиг Фейербах» и многие другие. Кроме того, издавались специальные сборники статей Маркса и Энгельса о России. Распространение идей научного социализма выводило русское освободительное движение из идейного тупика народничества.

Перевод и издание основных произведений Маркса и Энгельса группа «Освобождение труда» считала главной, но не единственной своей задачей. Наряду с этим она выпустила целый ряд произведений Плеханова, Аксельрода, Засулич и других авторов, в которых давался конкретный марксистский анализ социально-экономических процессов, происходивших в России, критиковались основы теории и тактики народничества. Важным вкладом в теоретическую разработку марксизма явился плехановский «Проект программы русских социал-демократов», в котором определялись не только демократические, но и социалистические задачи борьбы российского рабочего класса; в «Проекте» выдвигалось требование завоевания пролетариатом политической власти и установления его временного господства²⁹. Большой популярностью среди передовых рабочих и представителей революционной интеллигенции России пользовались такие специальные издания группы Плеханова, как «Рабочая библиотека» и «Социал-демократ»; в них регулярно освещались актуальные вопросы рабочего и общедемократического движения, велась полемика с народническими и другими чуждыми пролетариату воззрениями³⁰. Литературные произведения группы, отмечал В. И. Ленин, стали впервые излагать марксизм «систематически и со всеми практическими выводами»³¹.

Образование плехановской группы «Освобождение труда» — поворотное событие в истории российского

революционно-освободительного движения. Она подвергла критическому анализу всю систему ошибочных взглядов народничества и положила начало распространению идей марксизма в России.

Глава V

КРИТИКА Г. В. ПЛЕХАНОВЫМ ИДЕОЛОГИИ И ТАКТИКИ НАРОДНИЧЕСТВА. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

Г. В. Плеханов был первым среди марксистов, кто дал пример воинствующей и непримиримой борьбы против всей системы утопических воззрений народничества. «До сих пор, — писал он в 1883 г., — не было еще систематического и критического обзора ни самой теории народничества в ее целом, ни тех элементов ее, из которых она сложилась исторически»¹. Плеханов выражал далее твердую уверенность в назревшей необходимости критической оценки всех элементов народничества.

Идейное разоблачение народничества Плеханов ставил в прямую связь с освоением и применением учения Маркса и Энгельса к конкретным условиям российской действительности, с его постижением и развитием. В теории марксизма Плеханов и его соратники видели ключ к разрешению социальных противоречий не только на Западе, но и в России. Он справедливо считал, что преодоление ошибок народников и распространение идей научного социализма позволят российскому пролетариату осознать свою историческую миссию и стать ведущей силой освободительного движения.

В своей первой марксистской работе «Социализм и политическая борьба» (октябрь 1883 г.) Плеханов поставил и правильно разрешил вопрос, волновавший не одно поколение русских революционеров, — вопрос об отношении социалистов к политической борьбе. Эпиграфом к ней автор взял знаменитые слова Маркса: «Всякая классовая борьба есть борьба политическая». Этим подчеркивалась тесная органическая связь теории научного социализма с политическими проблемами общественного развития, которая отрицалась или искажалась идеологами народничества.

Г. В. Плеханов показал коренное отличие марксизма от народничества и других утопических систем, противостоящих теории и методу исторического материализ-

ма. Он ввел в русскую революционную литературу понятия «научный социализм», «современный социализм»². Эти термины имели не только семантическое, но и принципиальное политическое значение. Разоблачая несостоятельность анархического принципа «воздержания от политики», Плеханов глубоко вскрыл ошибочность народнической доктрины в целом. Уничтожающей критике были подвергнуты им все направления народничества, начиная от бакунистов и кончая народолюбцами.

В книге Плеханова едко высмеивались консерватизм народников, их слепая вера в рухнувшие догмы прошлого. Вместе с тем в ней мастерски раскрывалась революционная и преобразующая сущность учения Маркса и Энгельса, подчеркивалась необходимость сочетания борьбы за социализм с борьбой за политические свободы. Политика марксизма, отмечал автор, служит орудием экономических преобразований в обществе, а государство призвано отражать ее созидательную роль после победы революции. Г. В. Плеханов убедительно показал, что революционное движение в России неизбежно встанет на почву теории марксизма, открывшего объективные законы развития общества, резко осуждал тех, кто пренебрежительно относился к вопросам теории, недооценивал ее преобразующую роль и организующее значение. Он писал: «...Без революционной теории нет революционного движения в истинном смысле этого слова. ...Революционная по своему внутреннему содержанию идея есть своего рода динамит, которого не заменят никакие взрывчатые вещества в мире»³.

Рассматривая теорию марксизма как боевое руководство к действию, Плеханов призывал революционеров решительно порывать с ошибочными догмами народнического социализма и становиться проводниками марксистского учения. Исходя из признания факта капиталистического развития России, он впервые указал на буржуазную сущность грядущей революции. Для 80-х годов прошлого века открытие Плехановым буржуазного характера русской революции было новым словом в науке, оно опрокидывало утопические представления народников о «крестьянской общине» как базе социализма, позволяло наметить реальные пути освободительного движения. Марксистский анализ общественных отношений в России позволил Плеханову сделать и второй важный вывод — вывод о том, что будущее русской революции всецело связано с промышленным пролетариатом. Отстаивая и развивая этот те-

зис, он призвал своих единомышленников сосредоточить главное внимание на пропаганде идей научного социализма среди рабочих, а также на выделении из их среды элементов для образования социал-демократической партии. Революционное движение в России, указывал Плеханов, может победить лишь как движение рабочего класса.

Опираясь на теоретические положения К. Маркса и Ф. Энгельса, Г. В. Плеханов особо подчеркивал мысль о том, что развитие политической борьбы пролетариата неизбежно ведет к захвату им государственной власти и установлению его политического господства. Но диктатура класса, по определению автора, как небо от земли, отличается от диктатуры группы революционеров-заговорщиков. «Это, — писал он, — в особенности можно сказать о диктатуре рабочего класса, задачей которого в настоящее время является не только разрушение политического господства непродуцируемых классов общества, но и устранение существующей ныне анархии производства, сознательная организация всех функций социально-экономической жизни»⁴.

«Социализм и политическая борьба» — произведение революционера-новатора, открыто порвавшего со старыми, утопическими взглядами народничества и твердо вступившего на путь марксизма. Брошюра Плеханова, указывал В. И. Ленин, явилась первым *profession de foi** русского социал-демократизма. Плеханов показал, «как именно и почему именно русское революционное движение должно привести к слиянию социализма и политической борьбы, к слиянию стихийного движения рабочих масс с революционным движением, к слиянию классовой борьбы и политической борьбы»⁵.

Правда, плехановская работа «Социализм и политическая борьба» не давала полной ясности по вопросу о союзниках пролетариата в революционном движении. Автор смутно представлял себе, какую позицию займут крестьянство и либеральная буржуазия в борьбе за свержение самодержавия. И все же его постановка вопроса о роли крестьянства и либеральной буржуазии в корне отличалась от народнической.

Эта небольшая по объему работа Плеханова положила начало крутому повороту в развитии революционно-освободительной мысли России — повороту от народ-

* *Profession de foi* (франц.) — символ веры, программа, изложение мирозерцания.

ничества к марксизму. Лидеры тогдашнего народничества встретили ее в штыки, они публично обвинили Плеханова в «измене» делу «русского социализма», а группу «Освобождение труда» объявили «чисто либеральной» организацией.

С отрицанием правомерности возникновения первой марксистской группы выступил П. Л. Лавров, один из редакторов «Вестника «Народной воли»». В заметке, опубликованной в № 2, он, не вдаваясь в рассмотрение сущности принципиальных разногласий между народничеством и марксизмом, сам факт полемики Плеханова против «Народной воли» считал «заслуживающим строгого порицания»⁶. Упрекая руководителя группы «Освобождение труда» в «безнравственном» поступке, Лавров не мог высказать по содержанию его брошюры «Социализм и политическая борьба» ни единого возражения.

Другой теоретик народовольчества, Л. Тихомиров, отрекшийся вскоре от своих революционных взглядов и переметнувшийся в лагерь реакции, пытался доказать несостоятельность позиции Плеханова. Капитализм в России, уверял он, не имеет почвы для развития, буржуазия бессильна, а пролетариат слаб и малочислен. Деятели группы «Освобождение труда», положивших начало российской социал-демократии, он пренебрежительно называл политическими либералами, добивавшимися конституции для буржуазии⁷.

В ответ на острые нападки народников Плеханов пишет второе, более фундаментальное произведение — «Наши разногласия». Эта книга вышла в январе 1885 г. и носила, по выражению автора, «наступательный характер». Если в работе «Социализм и политическая борьба» Плеханов ограничился критикой преимущественно основных тактических положений народничества, то в «Наших разногласиях» он подверг критическому анализу программу и теорию народников, вскрыл прочность их взглядов на социально-экономическое развитие России.

Вместо предисловия к новой книге автор поместил письмо, адресованное П. Л. Лаврову, в котором решительно отверг обвинения народников. Отдавая должное героизму и самоотверженности революционеров 70-х годов, Плеханов подтвердил свой вывод о банкротстве народнических теорий. «Вместе с Александром II, — писал он Лаврову, — динамит убил и эти теории... Они уже не живут, не развиваются, но они еще продолжают раз-

лагаться и своим разложением заражают всю Россию, от самых консервативных до самых революционных ее слоев»⁸. Только марксизм, отмечал Плеханов, может оздоровить атмосферу и указать верный путь к победе революционного и рабочего движения.

Первостепенное внимание в книге «Наши разногласия» Плеханов сосредоточил на выяснении вопроса о русской крестьянской общине, ее происхождении, характере и исторических судьбах. На основе анализа конкретных данных он впервые в марксистской литературе показал, что сельская поземельная община не представляет собой антипода капитализму, как об этом твердили народники, — она развивается не в сторону социалистических, а в сторону капиталистических отношений.

Как известно, идеализация общины у народников сочеталась с отрицанием прогрессивности русского капитализма. Народники утверждали, что победа капиталистического способа производства не только принесет с собой всеобщее разорение народа («язву пролетариата»), но и ликвидирует социальные условия, необходимые для свершения «социалистической революции». Высмеивая эти «страхи» народников, Плеханов подчеркивал исторически прогрессивный характер капиталистического способа производства. Социал-демократы, писал он, «должны поддерживать капитализм в его борьбе с реакцией и быть непримиримым врагом того же капитализма в борьбе его с рабочей революцией будущего»⁹.

Несмотря на скудость статистических источников, Плеханов сумел дать сравнительно широкую картину роста товарно-денежных отношений в России. Особо подчеркивалась мысль, что капиталистический прогресс создавал реальные предпосылки для социальной революции пролетариата. Проникновение капитала в деревню шаг за шагом подрывало патриархальные устои общинного землевладения, разделяя крестьян на два противоположных класса — кулаков и бедноту. «Все принципы современного хозяйства, — указывал Плеханов, — все пружины современной экономической жизни находятся в непримиримой вражде с общиной. Вследствие этого надеяться на ее дальнейшее самостоятельное «развитие» так же странно, как странно надеяться на долговечность и дальнейшее размножение вытасенной на берег рыбы. Дело не в том, на какой крюк посажена рыба, а в том, приспособлены ли ее дыхательные органы к окружающей атмосфере. Атмосфера же современного

денежного хозяйства убивает нашу архаическую форму землевладения, подкапывает ее в самом корне»¹⁰.

Книга «Наши разногласия» наносила сильнейший удар по теоретическим построениям народников. Всем ее содержанием автор подводил читателя к следующим выводам: а) социалистическая революция не может вырасти из отсталых, реакционно-утопических теорий, проповедуемых народниками, — она является результатом объективных противоречий общественного развития при капитализме, поэтому теоретические построения и программа народников обречены на полное поражение; б) сельская община, разлагающаяся под воздействием капитала, не может служить оплотом против капитализма и исходным пунктом для перехода к социализму — развитие общины идет не в сторону социалистических, а в сторону буржуазных отношений; в) капитализм в России не случайное явление, а закономерный процесс ее социально-экономического развития — вступление России на путь капитализма является бесспорным фактом; г) развитие капитализма порождает пролетариат, который может взять на себя инициативу освободительного движения, освобождение же рабочего класса должно явиться результатом его собственных сознательных действий; д) задача русских социалистов — использовать противоречия капитализма в интересах рабочего класса: их усилия должны быть направлены к созданию социалистической рабочей партии, к устранению всех условий, неблагоприятных для ее роста и развития¹¹.

Книга «Наши разногласия» вызвала новую бурю идейных споров в среде русской революционной интеллигенции. Ортодоксальные народники ополчились против ее автора. П. Л. Лавров, выразивший ранее надежду, что Плеханов и его группа сблизятся с народовольцами, после выхода «Наших разногласий» понял, что этого не будет. В редактируемом им «Вестнике «Народной воли»» (1886, № 5) была опубликована небольшая заметка, в которой говорилось: «Объемистая книжка г. Плеханова... посвящена главным образом нападкам на «Вестник «Народной воли»», его редакторов и сотрудников. Разбирать полемику г. Плеханова и оценивать его приемы литературной борьбы мы не станем: вкратце этого сделать нельзя, по самому составу и характеру книжки; говорить же много едва ли стоит, так как тут говорить пришлось бы больше о г-не Плеханове, чем о затрагиваемых им вопросах»¹². В примечаниях ко 2-му изданию «Наших разногласий» Плеханов писал:

«Я так и не дождался серьезного ответа на свою книгу. В пятом номере «Вестника «Народной воли»» появилась, правда, маленькая библиографическая заметка, в которой говорилось, что возражать мне значило бы прежде всего говорить о моей личности. Кроме этого намека, который, очевидно, хотел быть злым, редакция «Вестника» не сказала ровно ничего...»¹³

Для многих членов народнических и полународнических кружков, испытывавших сомнение в правильности своих взглядов, книга послужила своеобразным «входным билетом» на попроче социал-демократии. Даже самые правверные сторонники «Народной воли» вынуждены были признать, что «Наши разногласия» произвели сильное впечатление. «Конечно,— писали они весной 1885 г.,— почти все (кроме русских социал-демократов) восстают против способа выражения, но против сути дела дела мало кто имеет силы спорить с Плехановым»¹⁴.

Социал-демократы встретили «Наши разногласия» с большим воодушевлением. Участники группы Благоева увидели в ней действенное средство упрочения своих идейных позиций. Они просили группу «Освобождение труда» прислать им побольше экземпляров этой книги для распространения в России.

Вскоре после выхода книги «Наши разногласия» Плеханов опубликовал целый ряд новых работ крупного научного и политического значения. К ним относятся «К шестидесятилетней годовщине смерти Гегеля», «Н. Г. Чернышевский», «Очерки по истории материализма», «К вопросу о роли личности в истории», «О задачах социалистов в борьбе с голодом» и др. Автор продолжил критику всей системы утопического мировоззрения народников, их философии, экономической теории и практики. С особой силой обрушился Плеханов против буржуазных либералов и либеральных народников, пытавшихся затушевать подлинные причины народного бедствия, вызванные страшным голодом 1891 г. В противовес официально-правительственной и буржуазно-монархической версии, объяснявшей повторяющиеся голодовки в России «неблагоприятными климатическими условиями», он утверждал, что главная причина голода и нищеты народных масс кроется в архаичной системе помещичьего землепользования и реакционной политике царского самодержавия. В ней Плеханов видел экономический пролог будущей политической революции. «Нам, русским социалистам,— писал он,— надо найти

такой способ действий, держась которого, мы, во-первых, ни на минуту не перестали бы способствовать росту классового сознания пролетариата, т. е. быть социалистами, и, во-вторых, скорее победили бы царизм,— т. е. следовательно,— и голод, чем при всяком другом способе действий»¹⁵. Самая насущная задача социалистического пролетариата России в борьбе с голодом состояла, как подчеркивал Плеханов, в объединении всех оппозиционных сил для свержения царизма и завоевания демократических свобод.

В 1895 г. Плеханов под псевдонимом Н. Бельтов выпустил книгу «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», на которой, по словам Ленина, воспитывалось «целое поколение русских марксистов»¹⁶. Сначала предполагалось, что эта книга выйдет в качестве продолжения (второго тома) «Наших разногласий». Но появившаяся возможность легального издания труда в Петербурге потребовала от автора значительно времени на его доработку и подготовку к печати. При этом как название, так и стиль книги претерпели соответствующие изменения. Непосредственным поводом для написания и выпуска книги «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» послужила субъективная социология Н. К. Михайловского, самого модного философа и публициста русской разночинной интеллигенции последней четверти XIX в. Развивая вслед за Лавровым субъективно-идеалистический метод в философии, он отрицал диалектико-материалистический подход к познанию внешнего мира, преувеличивая роль «критически мыслящих личностей» в истории, оценивал общественные явления с точки зрения нравственных желаний личности. «Признав нечто желательным или нежелательным,— писал Михайловский,— социолог должен найти условия этого желательного или устранения нежелательного»¹⁷. Такой взгляд на ход исторического развития разделялся не только «классическими» представителями субъективной социологии, но и всеми сторонниками буржуазного позитивизма, в том числе кантианцами, махистами и т. п.¹⁸

Важная научная заслуга Плеханова состоит в том, что он первым в русской марксистской литературе нанес сокрушительный удар по субъективно-идеалистической философии народничества. Разоблачая всевозможные «прогнозы» и «прожекты» Михайловского и его соратников в области совершенствования «устоев» общественного прогресса, он писал: «Субъективно-идеали-

стический взгляд на историю (мнения правят миром), по-видимому отводящий такое широкое место свободе человека, на самом деле представляет его игрушкой случайности. Вот почему этот взгляд в сущности очень безотраден.

Так, например, мы не знаем ничего безотраднее взглядов утопистов конца XIX в., т. е. русских народников и субъективных социологов. У каждого из них есть готовый план спасения общины, а с ней и крестьянства вообще, у каждого своя «формула прогресса». Но, увы! Жизнь идет своим ходом, не обращая внимания на их формулы, которым не остается ничего другого, как тоже прокладывать себе свой, независимый от жизни путь в области абстракции, фантазий и логических злоключений»¹⁹.

Г. В. Плеханов раскрывает единую по своей сути природу философских взглядов социалистов-утопистов различных стран и народов. И те и другие мечтали в свое время о том, чтобы избежать развития общества по пути капитализма. Но объективный ход исторического развития в полном соответствии с законами материалистической диалектики, открытыми основоположниками марксизма, опрокинул их беспочвенные помыслы и призрачные надежды. Автор «монистического взгляда», не делая какого-либо исключения из общего правила, акцентирует внимание своих читателей на примере двух стран — Германии и России. «Капитализм так страшен был немецким утопистам,— отмечает Плеханов,— что они для минования его готовы были в крайнем случае помириться с полным застоем. Торжество конституционного порядка,— рассуждали они,— повело бы к господству денежной аристократии. Поэтому пусть больше не будет конституционного порядка. Германия не миновала капитализма. Теперь о том же миновании толкуют русские утописты. Так путешествуют утопические идеи от Запада к Востоку, повсюду являясь предвестницами того самого капитализма, против которого они восстают и борются. Но чем дальше забираются они на Восток, тем более изменяется их историческое значение»²⁰.

Проследившая историю идей утопического социализма от Сен-Симона до Михайловского, Плеханов отмечал не только их отрицательное, но и положительное влияние на ход общественного развития. Он указывал, что пионеры утопического социализма были умными и смелыми людьми, сыгравшими крупную историческую роль в развитии человеческой цивилизации. Социалисты-уто-

писты были убеждены в том, что общество, основанное на эксплуатации и порабощении человека человеком, неразумно и должно быть перестроено на основе социальной справедливости и личной свободы. Наряду с классической немецкой философией и английской политической экономией французский утопический социализм явился одним из трех источников марксизма.

В специальной главе Плеханов подробно рассматривает немецкую идеалистическую философию, созданную Гегелем. Материализм XVIII в. был вульгарным, метафизическим. Признавая первичность материи, он не мог объяснить необходимость и сущность качественных изменений в развитии природы и общества. Материализм без диалектики превращался в застывшее, мертвое учение, противоречащее реальной действительности, находящейся в постоянном движении. Это недостающее звено в утопической системе познания мира было восполнено диалектикой Гегеля. «Гегель,— писал Плеханов,— называл метафизической точкой зрения тех мыслителей — безразлично, идеалистов или материалистов,— которые, не умея понять процесса развития явлений, поныне представляют их себе и другим как застывшие, бессвязные, неспособные перейти от одного в другое. Этой точке зрения он противопоставил диалектику, которая изучает явления именно в их развитии и, следовательно, в их взаимной связи»²¹.

Гегель, как известно, придерживался реакционных взглядов на историю общества. Идеалом государственного устройства общественной жизни он считал прусскую монархию. Однако его диалектический метод открывал перед революционерами необъятное поле деятельности, вооружая их перспективой борьбы за коренное преобразование общества. Характерно, что Михайловский, преклонявшийся в молодости перед философией Гегеля, впоследствии стал проявлять сдержанность и неприязнь к диалектическому мышлению ее творца. Так, критикуя философию диалектического материализма, он упрекал Маркса в том, что якобы его метод держится посредством гегелевских триад²². Разумеется, этот выпад Михайловского против диалектики Маркса не имел под собой никакой реальной почвы, зато он наглядно свидетельствовал об эволюции «столпа» русской субъективной социологии от революционно-демократизма к либерально-буржуазному радикализму.

Между тем ни представители метафизического материализма XVIII в., ни представители субъективно-идеалистического мышления XIX в. не могли дать научное объяснение объективных закономерностей исторического развития. Решение этой грандиозной задачи человечества легло на плечи К. Маркса и Ф. Энгельса, создавших цельное и стройное учение о законах развития общества, включающее в себя философию, политическую экономию и научный социализм. Вскрывая классовую ограниченность всевозможных буржуазных и мелкобуржуазных концепций исторического процесса, основоположники научного коммунизма исходили из того, что диалектика общественного развития сводится к замене старых форм жизни новыми формами. Она не имеет ничего общего с примирением противоположных явлений. Плеханов это ясно сознавал. Он писал: «...всякое явление противоречиво в том смысле, что оно само из себя развивает те элементы, которые рано или поздно пошатнут конец его существованию, превратят его в его собственную противоположность. Все течет, все изменяется, и нет силы, которая могла бы задержать это постоянное течение, остановить его вечное движение; нет силы, которая могла бы противиться диалектике явлений»²³.

В заключительной главе книги «Современный материализм» Плеханов дает глубокую характеристику основ философии марксизма, показывает его принципиальное отличие от предшествующих философских систем. До Маркса философы считали, что общественное бытие определяется общественным сознанием людей. Эта простая формула ставила науку об обществе с ног на голову. В результате важнейшие вопросы человеческого развития оставались нерешенными. Учение Маркса придало делу совершенно иное направление. Определяя главную суть этого учения, Плеханов приводит знаменитые слова Маркса, взятые из его работы «К критике политической экономии»: «На известной стадии своего развития производительные силы общества вступают в противоречие с существующими в этом обществе отношениями производства, выражая то же самое юридическим языком — с отношениями собственности, внутри которых они развивались до сих пор. Из форм, содействовавших развитию производительных сил, эти отношения превращаются в препятствие для их развития. Тогда наступает эпоха общественного переворота». То есть два самостоятельных процесса общественного производ-

Революционные демократы —
родоначальники
народнического социализма

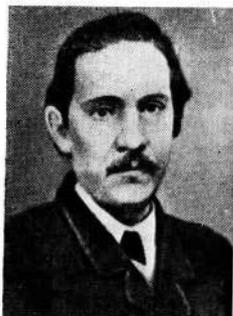
В. Г. Белинский

А. И. Герцен

Н. Г. Чернышевский

Идеологи революционного народничества

П. Л. Лавров

М. А. Бакунин

П. Н. Ткачев

Петербург. XIX в.

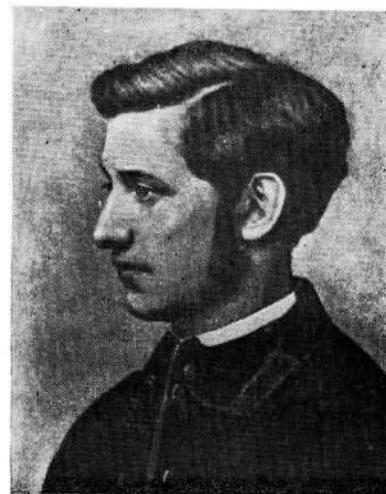
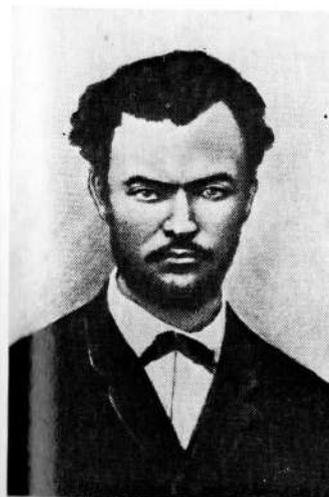

Деятели «Земли и воли»

А. Д. Михайлов

С. М. Степняк-
Кравчинский

М. А. Натансон

Деятели
«Народной воли»

А. И. Желябов

Н. А. Морозов

Н. И. Кибальчич

С. Л. Перовская

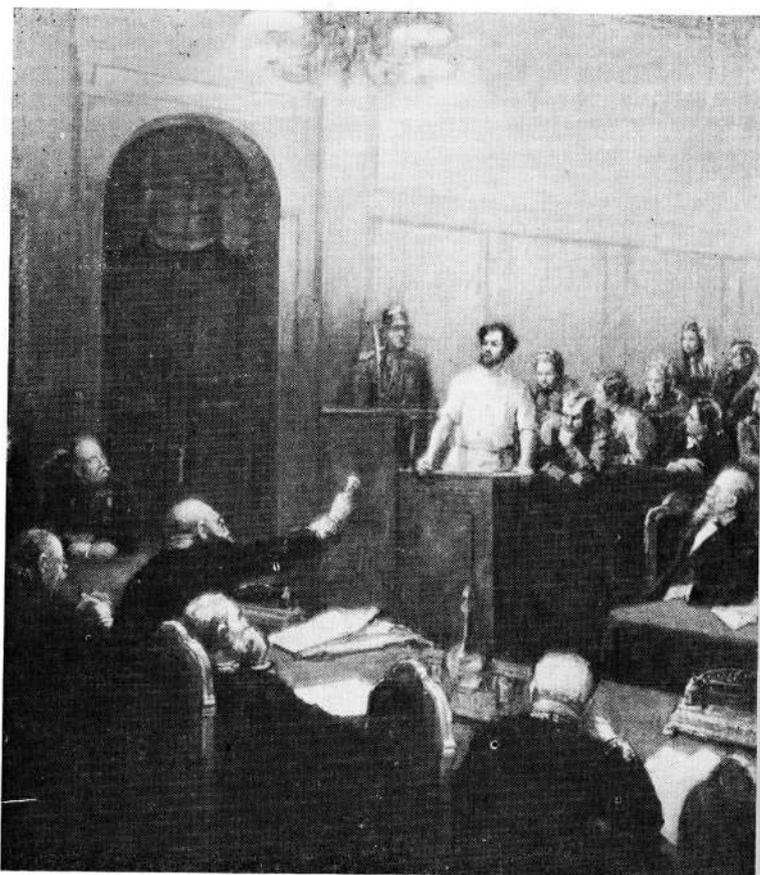

В. Н. Фигнер

М. Ф. Фроленко

Выступление рабочего П. Алексева на суде 10 марта 1877 г.
Художник Г. Ивановский

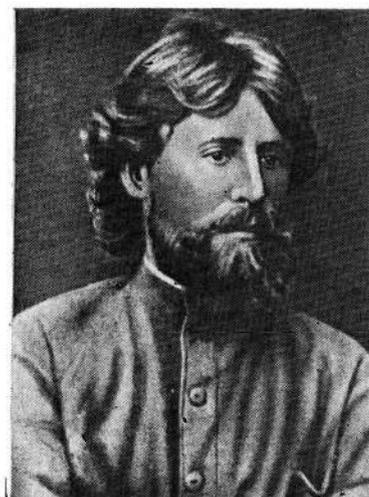

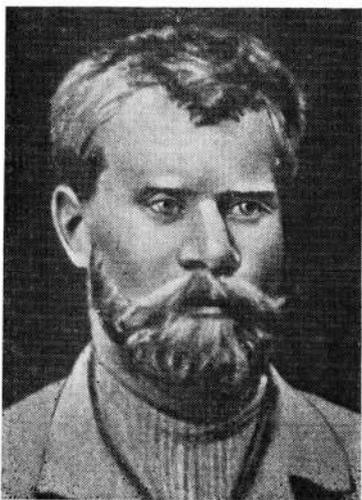
Арест пропагандиста. Художник И. Репин

Деятели «Южнороссийского союза рабочих»

Е. О. Заславский

И. О. Рыбцкий

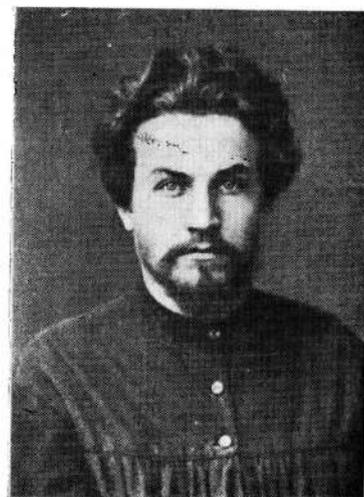
Ф. И. Кравченко

М. П. Скверин

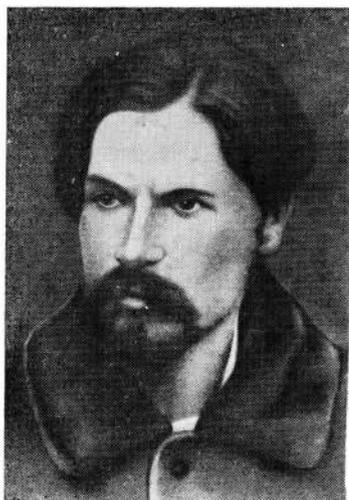
Д. Н. Смирнов

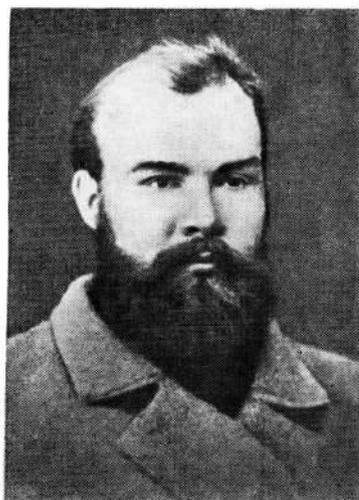
А. Н. Петерсон

Деятели «Северного союза русских рабочих»

С. И. Халтурин

В. П. Обнорский

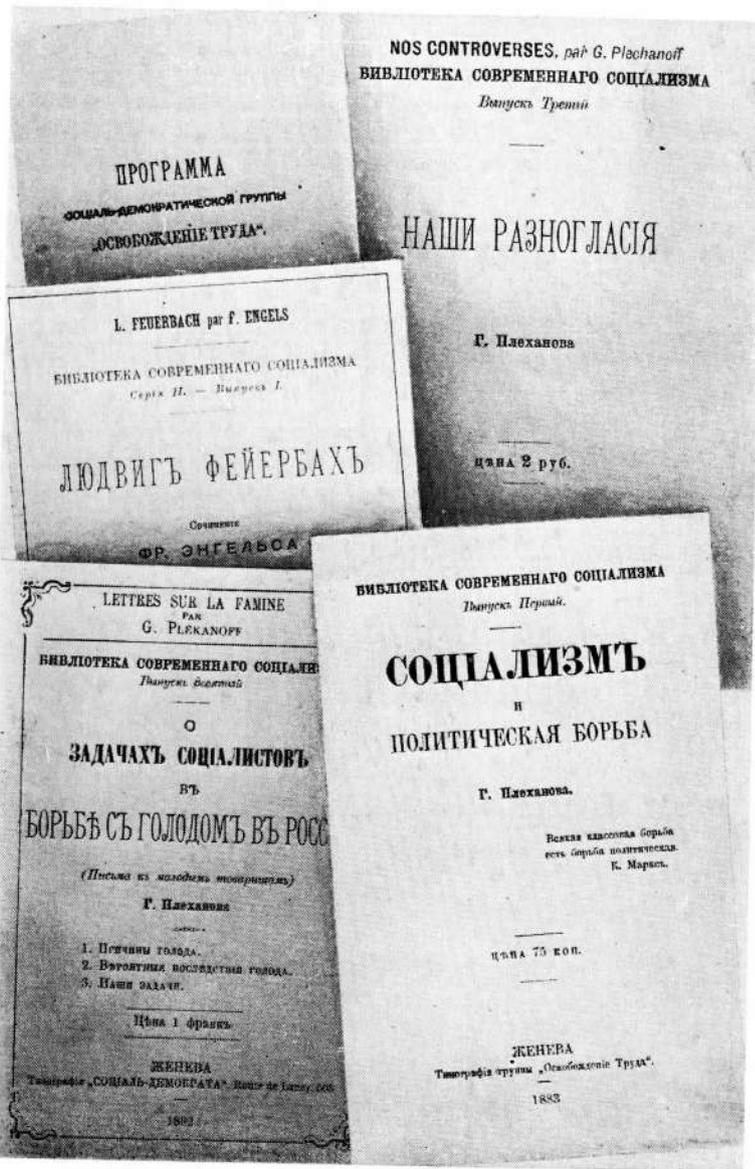
Женева. Конец XIX в.

Члены группы
«Освобождение труда»

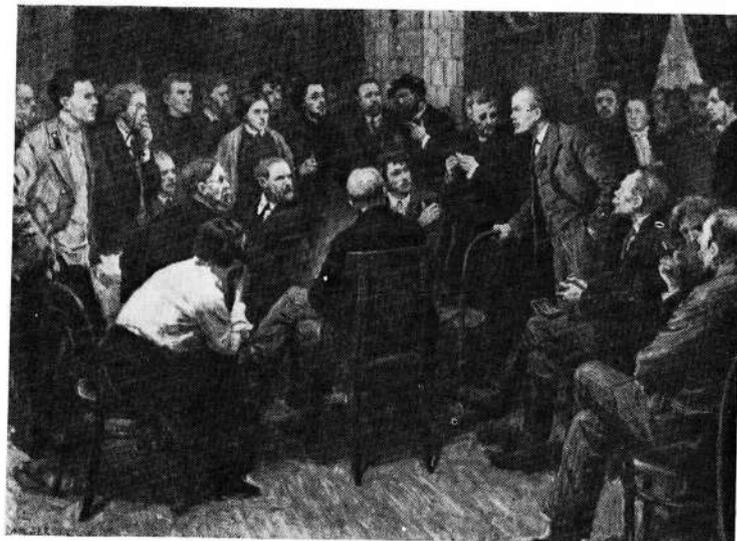
Г. В. Плеханов
П. Б. Аксельрод
В. И. Засулич
Л. Г. Дейч
В. Н. Игнатов

Руководители первых
марксистских кружков
и групп в России

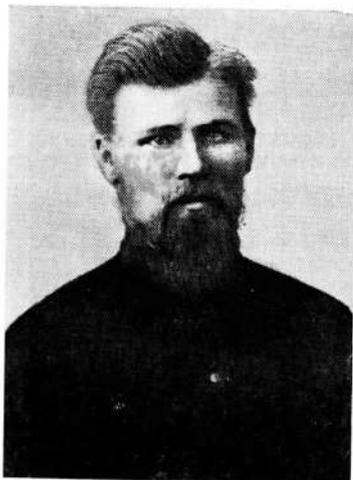
В. И. Ленин 1891 г., Д. Благоев,
П. В. Точисский, М. И. Бруснев,
Н. Е. Федосеев, Ю. Д. Мельников,
Л. Варыньский

Выступление В. И. Ленина против народника Воронцова.
Художник А. Моравов

В. И. Ленин среди членов С.-Петербургского
«Союза борьбы за освобождение рабочего класса»

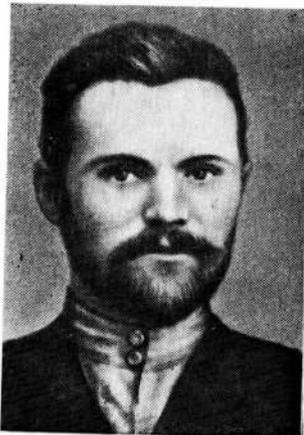

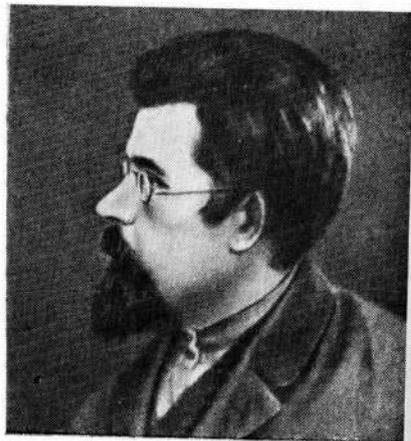
Рабочие — участники первых
социал-демократических
кружков в Петербурге

В. А. Шелгунов

Е. А. Климанов
(Афанасьев)

Ф. А. Афанасьев

В. И. Ленин. 1897 г.

№ 5.

137

Выпуск III.

**ЧТО ТАКОЕ ДРУЗЬЯ НАРОДА
КАКЪ ОНИ ВОЮЮТЪ ПРОТИВЪ
СОЦІАЛ ДЕМОКРАТОВЪ**

Сентябрь 1894

Издание
провинциальной группы
социал демократовъ

Первое издание книги В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». 1894 г.

ства — производительные силы и производственные отношения — сливаются в единое целое. «Вследствие развития производительных сил должны были измениться фактические отношения людей в процессе производства, и эти новые фактические отношения выразились в новых правовых понятиях»²⁴. Тем самым устранялся дуализм, присущий взглядам предшественников диалектического материализма.

Г. В. Плеханов убедительно показал, что марксистская философия свободна как от метафизики, так и от субъективизма других философских систем. Материалистическая теория органически слита в ней с диалектическим методом познания реальной действительности. Научный подвиг Маркса в социологии, подчеркивал Плеханов, равнозначен подвигу Дарвина в биологии или подвигу Коперника в астрономии. Впервые в истории человечество получило подлинную науку об обществе, о его прошлом, настоящем и будущем.

Кратко изложив историю формирования диалектического материализма, Плеханов вновь обращается к критике субъективной социологии Михайловского. Высмеивая его нелепые претензии к Марксу, неизбежно ограничившему свой анализ одной лишь капиталистической формацией, он указывал, что «первый признак образованного ума состоит в знании того, какие требования можно предъявлять людям науки. Маркс решительно не мог охватить все исторические периоды, совершенно так же как Дарвин не мог написать историю всех животных и растительных видов»²⁵. Однако основной закон материалистической диалектики, открытый Марксом в ходе научного исследования капиталистического способа производства, давал ключ к пониманию всех периодов человеческой истории.

Книга «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» вызвала большой общественный резонанс. Имя Бельтова стало самым популярным среди прогрессивно мыслящей интеллигенции и революционной молодежи. Социал-демократы восхищались как широким диапазоном философских знаний автора, так и его литературным стилем. «Вообще отовсюду, — сообщал один из сторонников группы «Освобождение труда» из России, — только и пишут об интересной книге Бельтова»²⁶.

Марксистские труды Плеханова сыграли исключительно важную роль в идейном разгроме народничества и в укреплении позиций молодого и еще малочисленно-

го тогда отряда русской социал-демократии. Однако теоретическая деятельность Плеханова этим не исчерпывалась. Одна из заслуг Плеханова и других участников его группы состояла в том, что они впервые поставили вопрос о необходимости создания социал-демократической рабочей партии в России. С этой целью была предпринята разработка проекта социал-демократической программы. Красной нитью через все содержание первого и особенно второго проекта группы проходили два главных требования: демократическое (свержение царского самодержавия и завоевание политических свобод) и социалистическое (установление господства пролетариата и создание новых общественных отношений)²⁷. Однако этот вариант не был свободен от серьезных недостатков. В нем помимо ряда нечетких формулировок содержалось признание необходимости индивидуального террора, выдвигались некоторые требования лассальянского толка*. Этот проект программы вскоре уже не удовлетворил и самих членов группы «Освобождение труда». В 1885 г. Плеханов подготовил второй вариант под названием «Проект программы русских социал-демократов»²⁸.

Как отмечал В. И. Ленин, решение программных вопросов группой «Освобождение труда» находилось на уровне социал-демократической теории своего времени. Во втором варианте программы были более полно и четко определены ближайшая и конечная цели рабочего движения, подчеркнута самостоятельная роль пролетариата в борьбе за социализм. «Русские социал-демократы,— говорилось в «Проекте»,— подобно социал-демократам других стран, стремятся к полному освобождению труда от гнета капитала. Такое освобождение может быть достигнуто путем перехода в общественную собственность всех средств и предметов производства...» Капиталистические отношения должны быть сметены новыми, социалистическими. О марксистской зрелости «Проекта программы русских социал-демократов» свидетельствовало и то, что в него был включен пункт о завоевании пролетариатом политической власти и установлении его временного господства. Только «временное господство пролетариата,— указывалось в «Проекте»,— может парализовать усилия контрреволюции и по-

*Здесь речь идет о двух требованиях первого варианта плехановской программы: 1) прямого народного законодательства и 2) государственной помощи производственным ассоциациям (Плеханов Г. В. Избр. философ. произв., т. 1. М., 1956, с. 375).

ложить конец существованию классов и их борьбе»²⁹. Это важнейшее требование плехановского проекта имело тем большее значение, что в программах социал-демократических партий Запада пункт о диктатуре пролетариата отсутствовал.

«Проект» содержал все основные элементы, необходимые для программы марксистской партии. Наряду с принципиальными положениями общетеоретического характера в нем была изложена программа-минимум русской социал-демократии. В качестве первой политической задачи выдвигалось низвержение царизма и завоевание демократической конституции. В «Проекте» излагался широкий круг практических требований, предусматривавших введение всеобщего избирательного права, бесплатного и обязательного образования, свободы слова, печати и собраний, полного равноправия всех граждан и др. В разделе экономических преобразований говорилось о необходимости установления законодательного регулирования отношений рабочих с предпринимателями и уничтожения остатков крепостничества в деревне.

В процессе разработки программы Плеханов сделал попытку разрешения крестьянского вопроса. Признание Плехановым и его группой необходимости «радикального пересмотра» дела крестьянской реформы Ленин считал несомненной заслугой русских марксистов 80-х годов³⁰. Однако позиция Плеханова в аграрном вопросе была противоречивой. Полностью отвергая народническую идеализацию крестьянства, Плеханов справедливо указывал на необходимость социал-демократической работы в деревне, привлечения крестьян на сторону революции. Вместе с тем в «Проекте» говорилось, что крестьянство ввиду его «политического безразличия и умственной отсталости» составляет главную опору абсолютизма³¹. Плеханов не сумел дать правильного решения крестьянского вопроса, хотя сам факт включения в «Проект» программы требования «радикального пересмотра» аграрных отношений имел большое пропагандистское значение.

Указывая на «особую постановку крестьянского вопроса в России», В. И. Ленин критиковал абстрактность и противоречивость некоторых положений, сформулированных Плехановым, и со всей определенностью подчеркивал, что русское крестьянство, придавленное жестоким гнетом помещиков и царского самодержавия, таит в себе громадные революционные возможности. Марк-

систы, писал он в 1899 г., могут и должны «стоять за то, чтобы рабочая партия поставила на своем знамени *поддержку* крестьянства (*отнюдь не* как класса мелких собственников или мелких хозяев), *поскольку это крестьянство способно на революционную борьбу против остатков крепостничества вообще и против абсолютизма в частности*»³².

В свою очередь В. И. Ленин показал и несостоятельность таких пунктов плехановского «Проекта» программы, как требования «прямого народного законодательства» и «государственной помощи производительным ассоциациям», считал их пережитками лассальянства. Если требованием «прямого народного законодательства» нельзя было принципиально заменить систему буржуазного парламентаризма, то пункт о «государственной помощи производительным ассоциациям» противоречил всей революционной практике социал-демократов. Решительной критике было подвергнуто Лениным и требование индивидуального террора.

Вместе с тем В. И. Ленин отмечал, что недостаточную разработку отдельных вопросов нельзя ставить в вину Плеханову и группе «Освобождение труда». Признавая несомненные достоинства первых программных документов русских марксистов, он подчеркивал их большое историческое значение. Первая программа, указывал Ленин, могла отразить лишь тот уровень революционного движения, когда русская социал-демократия не была связана с практикой классово-борьбы пролетариата и переживала процесс «утробного» развития. Это обстоятельство сказалось на всем построении программы, имевшей лишь теоретико-пропагандистское значение. Социал-демократическая программа 1885 г. была программой группы заграничных революционеров, которые сумели верно определить направление, но которые в то же время не видели еще перед собой сколько-нибудь широкого и самостоятельного движения русского пролетариата³³.

Теоретическая деятельность пионеров марксизма в России развертывалась в такой исторической обстановке, которая еще не могла дать ответ на многие существенные вопросы рабочего движения. А это вело к серьезным недостаткам и просчетам научного поиска. Рассматривая пролетариат как самую революционную силу общества, Плеханов тем не менее не совсем ясно представлял себе конкретные пути борьбы за свержение царизма и капитализма. Он ошибочно полагал, что на пер-

вом этапе революции пролетариат мог бы рассчитывать на поддержку многих представителей либеральной буржуазии³⁴. Критикуя консерватизм либералов, Плеханов все же надеялся, что усиление экономической мощи русской буржуазии приведет ее в столкновение с самодержавием. Не было четкой позиции у Плеханова и по крестьянскому вопросу. Справедливо возражая против народнической идеализации крестьянства, он впадал в другую крайность — игнорировал его революционные возможности. Преувеличение роли либеральной буржуазии и недооценка крестьянства как союзника рабочего класса послужили впоследствии источником серьезных ошибок Плеханова.

Однако недостатки и проблемы, неизбежные в переходный период от народничества к марксизму, не могут снизить громадного исторического значения деятельности Плеханова и его соратников по группе «Освобождение труда». Как подчеркивал В. И. Ленин, заслуги исторических деятелей ценятся не по тому, чего они не дали по сравнению с современными требованиями, а «по тому, что они *дали нового* сравнительно с своими предшественниками»³⁵. Плеханов и его последователи, преодолев крутой барьер народнической идеологии, сделали смелый, поистине новаторский шаг вперед по сравнению со своими предшественниками — революционерами 60—70-х годов. Именно благодаря их усилиям марксизм стал течением русской революционно-освободительной мысли.

Громадная историческая заслуга Плеханова как основателя группы «Освобождение труда» и выдающегося теоретика марксизма состояла прежде всего в том, что он нанес сильнейший удар по чуждой рабочему классу идеологии народничества и положил начало распространению идей научного социализма в России. В теории марксизма он видел ключ к разрешению социальных противоречий не только на Западе, но и в России. Плеханов исходил из того, что преодоление ошибок народников и распространение идей научного социализма позволят российскому пролетариату осознать свою историческую миссию и стать ведущей силой освободительного движения.

Идейно-теоретическая деятельность Плеханова и других членов группы «Освобождение труда» по разоблачению утопических взглядов и ошибочной тактики революционного народничества имела не только общерусское значение. Эта деятельность вызвала широкий

международный резонанс и получила признание и поддержку со стороны многих видных представителей социал-демократических рабочих партий Запада, в том числе А. Бебеля, В. Либкнехта, П. Лафарга, Ж. Геда и др. Большую заботу о судьбах группы «Освобождение труда» проявлял Ф. Энгельс. «...Я горжусь тем,— писал он В. И. Засулич,— что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала со всеми анархическими и несколько славянофильскими традициями своих предшественников. Сам Маркс был бы также горд этим, если бы прожил немного дольше. Это прогресс, который будет иметь огромное значение для развития революционного движения в России»³⁶.

Прогноз Энгельса был подтвержден всем последующим ходом истории. Группа «Освобождение труда», как отмечал Ленин, теоретически основала русскую демократию³⁷. Она дала социал-демократическому движению России «громадный запас теоретических знаний, широкий политический кругозор, богатый революционный опыт»³⁸.

Всестороннее научное обоснование насущной необходимости распространения марксизма и образование социал-демократической рабочей партии в России — таков главный итог идейно-теоретической деятельности Плеханова и руководимой им группы «Освобождение труда». Именно эта деятельность знаменовала собой коренной поворот в развитии русской освободительной мысли от крестьянского утопического социализма народников к марксизму — научному мировоззрению революционного пролетариата.

Глава VI

ГРУППА «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА» И ВОЗНИКНОВЕНИЕ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ- ДЕМОКРАТИИ КАК ИДЕЙНОГО ТЕЧЕНИЯ

Плехановская группа «Освобождение труда» возникла и действовала за границей. Но вопреки утверждениям сторонников «экономизма» она всецело отражала насущные потребности социал-демократического движения в России, являлась его составной частью¹. Именно ей принадлежала решающая роль в становлении российской социал-демократии как идейного течения.

Русский марксизм, по определению В. И. Ленина, родился в трудах группы «Освобождение труда»². В изданиях группы, и прежде всего в произведениях Плеханова, учение Маркса и Энгельса излагалось систематически и применительно к конкретным условиям русского революционного движения. При этом теория марксизма рассматривалась не только как определенная сумма научных знаний, но и как боевое руководство к действию.

Группа «Освобождение труда» была главным теоретическим и пропагандистским центром идей научного социализма в России на протяжении сравнительно длительного отрезка времени. Под ее влиянием передовые рабочие и лучшие представители демократической интеллигенции стали порывать с утопическими воззрениями народников и приобщаться к марксизму. В результате уже к концу так называемого утробного периода российской социал-демократии (1894 г.) научный социализм становится теорией многих революционных кружков и групп, действовавших в России.

Произведения Маркса и Энгельса, переведенные членами группы «Освобождение труда» на русский язык, проникали в самые различные районы страны. Наряду с «Манифестом Коммунистической партии», «Нищетой философии», «Развитием социализма от утопии к науке», «Людвигом Фейрбахом» и другими трудами основоположников научного коммунизма были изданы и получили распространение в России книги Плеханова «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия», «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Вместе с переведенным ранее первым томом «Капитала» эта литература оказала самое благотворное воздействие на поворот передовой части участников русского освободительного движения от утопии к науке.

Не ограничиваясь выпуском одних только теоретических трудов, публиковавшихся в серии «Библиотека современного социализма», группа «Освобождение труда» стремилась полнее учесть запросы различных слоев рабочего класса и разночинной интеллигенции. С этой целью издавалась популярная «Рабочая библиотека», особым успехом пользовались брошюры С. Дикштейна «Кто чем живет?», Г. Плеханова «Ежегодный всемирный праздник рабочих», его же «Русский рабочий в революционном движении», «Речь П. А. Алексеева», «Четыре речи рабочих, произнесенные на тайном собрании в Петербурге». Авторы брошюр «Рабочей библиотеки» (в их

числе были П. Лафарг, Ж. Гед и другие видные деятели международной социал-демократии) в доступной форме разъясняли читателям идеи научного социализма, знакомили их с опытом мирового рабочего движения, убедительно доказывали необходимость сплочения пролетариата для борьбы за свое экономическое и политическое освобождение.

В связи с оживлением общественного движения в России на рубеже 80—90-х годов группа «Освобождение труда» приступила к выпуску литературно-политического обозрения под названием «Социал-демократ». В статьях обозрения, как и в работах Плеханова «Всероссийское разорение», «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России», содержалась критика самодержавно-помещичьего строя, определялись ближайшие задачи социал-демократов. Борьба с царизмом, указывалось в работах Плеханова, потребует объединения всех оппозиционных сил, что поведет к оживлению мелкобуржуазных и либеральных элементов. Однако главная цель — свержение царизма — будет достигнута. Возражая тем либеральным критикам, которые во имя завоевания политической свободы предлагали «на время оставить социализм», Плеханов выступал за сохранение ведущей роли пролетариата в освободительной борьбе. «...Соддействовать росту классового самосознания пролетариата, — писал он, — значит ковать оружие, наиболее опасное для существующего строя»³. Вышедшие в 1890—1892 гг. четыре сборника «Социал-демократа» пользовались большой популярностью среди русских марксистов. В них широко освещались актуальные вопросы социал-демократического движения, давался анализ общественных отношений в России и странах Западной Европы.

Весна 1895 г. влила новую свежую струю в деятельность группы «Освобождение труда». В мае в Женеву из Петербурга приехал молодой В. И. Ульянов (Ленин). Целью его приезда было ознакомление с опытом социально-демократического движения в Западной Европе и установление тесного контакта с первой ячейкой русских марксистов во главе с Плехановым. Эта зарубежная поездка Владимира Ильича, несмотря на полицейскую слежку и другие трудности, была успешной. В ходе бесед Ленина с руководителем группы Плехановым в Женеве, потом с Аксельродом в Цюрихе выявилось тесное единство взглядов по основным проблемам рабочего и социал-демократического движения в Рос-

сии. Спорным оставался один вопрос — об отношении социал-демократов к либеральной буржуазии. Плеханов образно выразил суть этого разногласия между собеседниками следующей фразой. «Вы, — заявил он молодому Ульянову, — поворачиваетесь к либералам спиной, а мы — лицом»⁴. Разумеется, в этой внешне безобидной фразе не просматривалась еще та глубокая тактическая грань, которая десять лет спустя, в ходе первой русской революции, пролегла между сторонниками Ленина и сторонниками Плеханова. Но тогда, на заре социал-демократического движения, разногласие представлялось не столь серьезным и вполне преодолимым.

Встречи с Владимиром Ильичем произвели на членов группы «Освобождение труда» сильное впечатление. В одном из писем Плеханов отметил, что у него за многолетний период заграничной жизни перебивало большое количество лиц из России, но что, пожалуй, ни с кем не связывает он столько надежд, как с молодым Ульяновым⁵. В Женеве была достигнута договоренность о совместном выпуске сборника «Работник», рассчитанного на широкий круг социал-демократов, членов марксистских кружков. Вместе с тем был обсужден вопрос о транспортировке в Россию нелегальной литературы. Сразу же по возвращении в Россию (сентябрь 1895 г.) Владимир Ильич развернул активную деятельность по реализации плана издания сборника. Еще до прибытия в Петербург он посетил ряд городов (Вильно, Москву, Орехово-Зуево), где налаживал корреспондентские связи для первой книги будущего сборника статей по вопросам рабочего движения. В Питере Владимир Ильич привлек к сотрудничеству Г. М. Кржижановского, М. И. Сильвина и А. А. Ванеева. Основную же часть труда по написанию, редактированию и отправке материала за границу для «Работника» он взял на себя.

Вскоре Ленин сообщил Аксельроду в Цюрих о проделанной работе. Среди материалов, подготовленных для сборника, перечислялись статьи и корреспонденции о рабочем движении в Петербурге, Иваново-Вознесенске, Ярославле и других городах. В одном из писем указывалось: «Сейчас посылается 1) сообщение о выселении духоборцев; 2) рассказ о сельских рабочих на юге и 3) описание фабрики Торнтон — из этого посылается пока только начало, около $\frac{1}{4}$ »⁶.

Первая книга «Работника» (№ 1—2) освещала широкий круг актуальных вопросов российского и западноевропейского рабочего движения. Значительную часть

сборника составили материалы, присланные Лениным из России. В книге была помещена также ленинская статья о Фридрихе Энгельсе в связи с его кончиной 5 августа 1895 г. В других изданиях группы «Освобождение труда» были напечатаны труды Владимира Ильича «Объяснение закона о штрафах», «Задачи русских социал-демократов», «К петербургским рабочим и социалистам от «Союза борьбы»» и др. Особенно важную роль в жизни группы «Освобождение труда» сыграла публикация Плехановым в сборнике «Vademecum» (Путеводитель) ленинского документа «Протест российских социал-демократов», в котором разоблачался «экономизм» в РСДРП и ревизионизм в международном социал-демократическом движении. Всего же за время своей самостоятельной литературно-издательской деятельности группа «Освобождение труда» выпустила в свет свыше 80 изданий в виде книг, брошюр, отдельных номеров журналов, сборников статей и листовок. В числе изданных трудов группы насчитывалось 30 произведений К. Маркса и Ф. Энгельса и семь работ В. И. Ленина⁷.

Ближайшим результатом деятельности группы «Освобождение труда» явился переход на сторону марксизма части русских студентов, обучавшихся за границей. В Женеве, Цюрихе, Берне, Париже, Берлине возникли кружки русских революционеров, оказывавших группе Плеханова моральную и материальную поддержку. Одновременно росли интернациональные связи группы «Освобождение труда»; ее члены принимали активное участие в западноевропейской социал-демократической печати, вели оживленную переписку с Ф. Энгельсом, В. Либкнехтом, П. Лафаргом, Ж. Гедом и другими видными деятелями международного рабочего движения.

Неизмеримо более сложным делом было установление связей группы «Освобождение труда» с Россией. Царская охранка, усердно очищавшая страну от «революционной крамолы», бдительно следила за границей. Еще в самом начале существования группы за поставку литературы в Россию взялся Л. Г. Дейч, слышавший среди революционеров хорошим практиком-организатором. Однако первые попытки решить эту трудную задачу успеха не имели. В начале 1884 г. Дейч был арестован, а его помощники Гринфест и Городице не сумели переправить через русско-германскую границу ни одного транспорта⁸. Однако вскоре выход был найден. Представитель группы связался с московским революционным студенческим «Обществом переводчиков и издате-

лей», которое переиздало брошюру Плеханова «Социализм и политическая борьба» литографским способом. При содействии «Общества» были также изданы и распространены в России «Манифест Коммунистической партии», «Наемный труд и капитал», «Гражданская война во Франции» и другие труды К. Маркса и Ф. Энгельса*. В дальнейшем трудности распространения марксистской литературы и переписки стали преодолеваются совместными усилиями революционеров. Группа «Освобождение труда» установила двухстороннюю связь с социал-демократами Петербурга, Москвы, Киева и Харькова. Ее издания нелегально распространялись во многих городах России.

Наиболее тесные связи путем переписки и обмена идеями были установлены с петербургской группой социал-демократов, основанной Д. Н. Благоевым вместе со своими единомышленниками — студентами университета**. Она возникла в декабре 1883 г., то есть почти одновременно с группой «Освобождение труда». Партия русских социал-демократов, как она называлась благоевцами, была хорошо законспирированной организацией 80-х годов, объединявшей до двух десятков активно работающих членов. Кроме того, вокруг благоевцев сплотилось немало сторонников из кружков учащейся и военной молодежи. На собраниях группы ставились и решались узловые вопросы социал-демократической работы: подготовка программы, постановка газеты и типографии, содержание устной пропаганды среди студенчества и фабрично-заводских рабочих.

Д. Н. Благоев в следующих словах описывает происхождение и идейную направленность первой марксистской организации в Петербурге: «...деятельность нашей социал-демократической группы является продолжением социалистической деятельности среди рабочих со времени 70-х годов. Однако она внесла нечто совер-

* «Общество переводчиков и издателей» (1882—1884 гг.), возглавляемое В. Т. Роспопиным и Л. П. Аргуновым, имело целью распространение социалистических знаний среди студенчества и передовой молодежи. Оно выпустило ряд работ К. Маркса, Ф. Энгельса, Г. В. Плеханова. Отдельные экземпляры изданий «Общества» полиция обнаруживала далеко за пределами Москвы и Московской губернии (см.: Историко-революционный сборник, т. II, с. 161—172; Каторга и ссылка, 1933, № 3, с. 134).

** Д. Н. Благоев (1856—1924) — болгарин по национальности. Участвовал в национально-освободительном движении в Болгарии против турецких завоевателей. Будучи студентом Петербургского университета, Благоев вступил в социал-демократическое движение в России. Основатель Болгарской коммунистической партии.

шенно новое. Прежде всего, название социал-демократической, указывающее новое содержание революционной деятельности... Но самое главное, что внесла социал-демократическая группа,— это обоснование социализма в связи с развитием капитализма в России. В этом смысле наша социал-демократическая группа была первой социал-демократической группой в России и появилась совсем самостоятельно и независимо от существующих социалистических групп в России, как и существующих в это время групп за границей»⁹.

Основным документом, характеризующим мировоззрение группы Благоева, явилась выработанная ею программа. В этом документе определены ее цели и задачи. Отвергая народническую концепцию «некапиталистического пути развития России», авторы первоначального варианта программы подчеркивали, что «капитализм у нас уже зародился и растет»¹⁰. Идею социализма они усматривали не в «специфических особенностях русского крестьянства», а в экономическом развитии страны, идущей по пути Западной Европы. В проекте программы подчеркивалась прогрессивная роль крупного капиталистического производства, порождавшего промышленный пролетариат. Фабрично-заводские рабочие названы в проекте ядром политической силы народа; их воспитание в революционном духе должно составить основу для создания социалистической рабочей партии в России. Образование партии, способной завоевать государственную власть, блagueвцы признавали «единственным путем к освобождению рабочего класса от политического и экономического гнета»¹¹. Марксистская идеология Партии русских социал-демократов сложилась не сразу. На первых порах (примерно с конца 1883 по март 1885 г.) блagueвцы испытывали на себе влияние лассальянства и народничества. Это сказалось на неправильной трактовке таких важных вопросов программно-характера, как аграрно-крестьянская проблема, отношение к государству и др. «Наши взгляды и программа,— отмечал впоследствии Д. Благоев,— очень отличались от современных взглядов и программ. Они представляли смесь научного социализма и лассальянства, а если хотите и лавризма»¹².

Весной 1885 г. Партия русских социал-демократов полностью завершает свою эволюцию к марксизму. Ее руководители вступают в тесный контакт с Плехановым и его группой. В письме от 6 апреля блagueвцы уславливаются с членами группы «Освобождение труда» отно-

сительно посылки в Женеву денег на транспортировку литературы и просят ускорить доставку статей для газеты «Рабочий». В ответном послании, полученном петербургскими социал-демократами из Женевы, сообщалось: «Отношение наше к «Рабочему», как вообще к вашей группе, самые дружественные; можете рассчитывать во всем, где только мы можем быть вам полезны. Две статьи вышлем на днях»¹³.

Фрагментарные сведения из переписки между обеими группами, которые дошли до нас в виде отрывков из писем и полицейских перлюстраций, отражают их дружную и плодотворную совместную работу. Особое значение имели обмен первоначальными проектами программы и проведенная по ним дискуссия. В процессе дискуссии, как свидетельствуют источники, Плеханов взялся разработать второй вариант проекта партийной программы, с которым в основном согласились и блagueвцы¹⁴.

Важное место в деятельности группы Благоева принадлежало выпуску газеты «Рабочий», которую Ленин считал едва ли ни первой попыткой создания социал-демократической рабочей печати в России¹⁵. На страницах «Рабочего» печатались материалы по выработке программы, а также статьи Плеханова и Аксельрода. В статье «Современные задачи русских рабочих», написанной специально для № 2 печатного органа блagueвцев, Плеханов популярно разъяснил политическую обстановку, сложившуюся в стране, и обрисовал тяжелое положение пролетариата в России. В статье предлагалось прежде всего: а) развивать сознательность рабочих; б) организовать и сплачивать их силы; в) поднимать рабочих на борьбу за насущные политические и экономические требования. В качестве главной задачи социал-демократии на ближайшее время автор ставил завоевание политической свободы, которая должна была облегчить победу социалистической революции в будущем¹⁶.

В отличие от первого номера газеты, представлявшего собой простой комментарий к неопубликованному проекту программы, содержание второго номера «Рабочего» отражало новый, более высокий этап в деятельности блagueвцев и знаменовало дальнейшее сближение идейных позиций первых социал-демократических групп в России. Опубликованные в нем статьи и корреспонденции характеризовались более высоким теоретическим уровнем освещения поставленных проблем, что вслед за

выработкой второго варианта проекта программы явилось существенным шагом вперед на пути становления и развития марксистского направления в русской освободительной мысли.

В руководящее ядро Партии русских социал-демократов кроме Д. Н. Благоева входили П. А. Латышев, В. Г. Харитонов и Н. П. Андреев. Каждый из них был убежденным сторонником научного социализма и опытным революционером-практиком. Этим в значительной степени определялись стабильность, относительная продолжительность (более трех лет) и определенная преемственность в деятельности группы. Так, после высылки Благоева (март 1885 г.) группу возглавил Харитонов, после его ареста (январь 1886 г.) — Андреев.

Благоевцы вели активную пропаганду марксизма среди передовых рабочих и революционной, преимущественно студенческой, молодежи Петербурга. По данным некоторых исследователей, в столице ими было организовано не менее 15 рабочих и студенческих кружков социал-демократического направления, где занятия велись по заранее составленному плану¹⁷. Д. Н. Благоев руководил несколькими кружками рабочих, проживавших на Васильевском острове. «Самым усердным, аккуратным и, казалось мне, успевающим работником в кружках был Дмитрий Благоев», — вспоминает один из участников группы, В. А. Кугушев¹⁸. Об этом же подробно рассказывается в воспоминаниях В. Г. Харитонova, Н. А. Бородинa, О. М. Говорухина и других очевидцев революционно-пропагандистской работы Благоева в Петербурге.

Влияние группы Благоева на революционные кружки Петербурга постепенно расширялось. В 1886 г. на сторону группы фактически перешел кружок Н. Н. Шелгунова, состоявший из прогрессивно настроенной военной молодежи. Некоторые положения программы благоевцев разделялись и участниками народовольческого движения, в том числе А. И. Ульяновым, находившимся на перепутье от народничества к марксизму.

Члены благоевской группы не намеревались ограничивать свою деятельность только устной пропагандой марксизма. Большие надежды в этом плане они возлагали на выпуск листковой литературы, и особенно газеты «Рабочий», которую рассчитывали распространять не только в столице, но и за ее пределами. И хотя удалось выпустить всего лишь два номера газеты, ее находили в Москве, Харькове, Одессе, Киеве, Саратове, Са-

маре, Туле, Кременчуге, Таганроге¹⁹. Таким образом, при помощи «Рабочего» социал-демократические идеи разносились по многим городам страны.

В марте 1887 г. в связи с подготовкой процесса над первомайцами царская охранка нашла на след последних участников группы Благоева и арестовала их. Благоевская группа перестала существовать, но дело, начатое ею, было подхвачено и продолжено другими социал-демократическими кружками и группами.

С конца 1886 г. в Петербурге возникло и начало действовать «Товарищество Санкт-Петербургских мастеровых», во главе которого стоял П. В. Точисский (1865—1918). Павел Варфоломеевич рано познал жестокую несправедливость царского режима и вступил на путь революционной борьбы. Семнадцатилетним юношей он оставляет гимназию и поступает на завод чернорабочим. В Петербурге, куда вскоре переехал Точисский, он устанавливает связи с передовыми рабочими, изучает марксистскую литературу. Встав во главе «Общества содействия поднятию морального, интеллектуального и материального положения рабочего класса в России» (первоначальное название организации), Точисский стремился вовлечь в него преимущественно рабочих, справедливо полагая, что промышленный пролетариат является последовательным революционным классом общества. В то же время у Точисского не было четкого понимания роли интеллигенции. Пролетариат, по его мнению, не может отказаться от помощи представителей образованных классов, но он не может забывать и о буржуазном происхождении интеллигенции. Точисский не раз повторял свою мысль, обращаясь к интеллигентам: «Вы с нами до первого поворота, до первой конституции, которой добиваетесь от правительства и в которой нуждаетесь, а там наши дороги далеко разойдутся»²⁰. В основных вопросах теории участники группы стояли на марксистских позициях. Они выступали против народнической идеализации крестьянства и индивидуального террора. Всю свою пропагандистскую деятельность группа подчиняла социал-демократическому воспитанию пролетариата, в котором видела главную силу революции.

В эту новую социал-демократическую группу, действовавшую в Петербурге в 1886—1888 гг., входили Павел и Мария Точисские, Ефим Климанов, братья Генрих и Эдуард Брейтфусы, Дмитрий Лазарев, Нил Васильев, Иван Шалаевский, Елизавета Данилова и др. Отдельные представители «Товарищества» находились в близ-

кой связи с благоевцами, принимали участие в их кружковой работе.

Группа П. В. Точисского не имела собственной программы. В своей повседневной деятельности она руководствовалась уставом, который не сохранился. Восстановить его содержание позволяют в известной степени материалы следствия по делу «Товарищества Санкт-Петербургских мастеровых». Д. В. Лазарев, игравший видную роль в руководстве группой, указывал, что в уставе излагались ближайшие цели организации. Он 7 октября 1888 г. показал на следствии: «Наша цель... была образование среди мастеровых г. Петербурга маленьких кружков, которые группировались бы около основанных между ними библиотек с целью дать средства им развиваться в умственном отношении; точно так же была цель организовать помощь в материальном отношении посредством устройства ссудо-вспомогательных касс»²¹. «Товарищество» располагало сравнительно большой библиотекой, ссудо-вспомогательной кассой и фондом помощи политическим ссыльным рабочим. При помощи указанных средств Точисский и его сторонники стремились вовлечь передовых рабочих Петербурга в кружки, поднять их идейный и культурный уровень.

О взглядах членов «Товарищества» можно судить по литературе, хранившейся в их библиотеке. В ее нелегальном отделе имелись такие издания, как «Манифест Коммунистической партии» Маркса и Энгельса, «Наши разногласия» Плеханова, газета группы Благоева «Рабочий», «Речь Петра Алексеева» и др. Литература выдавалась членам организации как для личного пользования, так и для проведения занятий в рабочих кружках.

«Товарищество Санкт-Петербургских мастеровых» было тесно связано с передовыми рабочими ряда фабрик и заводов столицы. Пропаганда велась на Балтийском, Александровском заводах, а также на фабрике Лаферм и других крупных предприятиях города. По свидетельству одного из участников организации, наиболее деятельными пропагандистами были Точисский и Лазарев; они вели непосредственные сношения с фабриками и заводами и поставляли новых кружковцев. «На обязанности остальных членов кружка, мужчин,— пишет Брейтфус,— лежало доставлять рабочим книги из библиотеки. Ежедневно вся мужская компания забирала с собой пачки книг—штук по 15—и тащила в то или иное место для передачи рабочим. Пачки эти целиком передавались рабочему, состоящему в паре с интелли-

гентами кружка, и только изредка 2-м—3-м. Из женщин кружка только Мария Точисская имела доступ к рабочим. Остальные же обслуживали библиотеку: производили записи выданных книг, переплетали их, доставляли средства и пр.»²². Активное участие в пропагандистской деятельности «Товарищества» принимали рабочие Е. А. Климанов, В. В. Буянов, В. А. Шелгунов, И. И. Тимофеев и др. Группа Точисского была школой политического воспитания передовых рабочих, подготовки из них профессиональных революционеров.

Следует отметить, что у Точисского и других участников организации еще не было ясного представления по вопросу о политической борьбе. Признавая пролетариат авангардом революционного движения, они тем не менее игнорировали задачу завоевания демократических свобод, считая, что ими может воспользоваться только буржуазия. Поэтому рабочие, по их мнению, должны сосредоточить главное внимание на борьбе за подъем своего материального и культурного уровня. В этой недооценке буржуазно-демократического этапа революции сказался один из существенных пережитков народничества. И все же группа Точисского оставила заметный след в ранней истории социал-демократического движения. После разгрома организации некоторые ее члены (Е. А. Климанов, В. А. Шелгунов, И. И. Тимофеев и др.) вошли в состав группы Бруснева и играли в ней видную роль. Руководитель «Товарищества Санкт-Петербургских мастеровых» П. В. Точисский позднее вступил в партию большевиков и принял активное участие в гражданской войне на Урале.

Непосредственным преемником и продолжателем революционных традиций первых марксистских организаций Петербурга—группы Благоева и группы Точисского—явилось «Социал-демократическое общество», основанное осенью 1889 г. М. И. Брусневым (1864—1937). «Общество» первого состава было образовано студентами Петербургского технологического института, занимавшимися до этого в различных кружках самообразования. В него помимо М. И. Бруснева входили В. С. Голубев, братья Г. Б. и Л. Б. Красины, В. Н. Иванов, Б. Ф. Лелевель, В. Ф. Цивинский и др. «Техноложка,— вспоминал Л. Б. Красин,— была оплотом марксизма и пыталась вплотную подойти к вопросу об организации рабочего движения»²³.

Вскоре группа Бруснева пополнилась за счет ветеранов рабочего движения Петербурга, принимавших уча-

стие в первых социал-демократических кружках. Это были Е. А. Афанасьев (Климанов), К. М. Норинский, И. И. Тимофеев, В. А. Шелгунов, Н. Д. Богданов; позднее к ним присоединились Г. М. Кржижановский, В. В. Старков, А. Л. Малченко, Н. К. Крупская, С. И. Радченко. Приход опытных рабочих-революционеров активизировал деятельность группы и способствовал ее успехам в пропаганде марксизма на фабриках и заводах столицы.

Брусневская организация имела сложную структуру: она состояла из двух центральных кружков — рабочего и интеллигентского. Связь между обеими частями группы поддерживалась через представителя интеллигенции, входившего в состав рабочего центра. Такое построение организации объяснялось прежде всего условиями сугубой конспирации. Но не только этим. Социал-демократические кружки и группы 80-х годов было слабо связаны с рабочим движением. В них участвовали преимущественно представители революционной интеллигенции, учащейся молодежи. К началу 90-х годов приток рабочих в социал-демократические организации значительно усилился. Это вызвало изменения в структуре руководящих органов социал-демократического движения. Организации, объединявшие по несколько кружков и групп, стали делиться на рабочую и интеллигентскую части. Группа Благоева была одной из первых организаций такого типа. Ее центральный рабочий кружок руководил деятельностью рабочих кружков, действовавших на фабриках и заводах, интеллигентский кружок руководил работой среди интеллигенции, готовил пропагандистов, составлял программы занятий для всех звеньев организации.

В отличие от группы Благоева брусневцы не вели самостоятельной разработки вопросов программы и тактики социал-демократического движения. Однако они были знакомы с «Манифестом Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, а также с основными работами Г. В. Плеханова, идеи которых ими разделялись и пропагандировались. Брусневская организация находилась в более тесном общении с передовыми рабочими. Члены ее рабочего и интеллигентского центров вели систематическую пропаганду на фабриках и заводах, руководили первыми рабочими маевками и демонстрациями. Почти на всех крупнейших заводах Петербурга, в том числе на Путиловском, Обуховском, Балтийском, действовали рабочие кружки. Всего в составе группы

Бруснева насчитывалось до 20 рабочих кружков²⁴. Занятия в кружках велись по заранее разработанной программе. Она предусматривала наряду с общеобразовательными предметами изучение таких общественных наук, как история, философия и политэкономия. Особое внимание уделялось вопросам классовой борьбы, выяснению положения пролетариата и крестьянства, знакомству с историей различных общественных движений. Вторая часть брусневской учебной программы содержала следующие разделы истории революционного движения на Западе и в России:

«VI) Положение и история крестьян в России и на Западе. Община, артели, наделы, продовольствие и налоги. Банки — крестьянский и дворянский. Переселение, раскол и сектантство.

VII) Положение рабочего класса в России и на Западе. История рабочего движения в связи с теориями различных реформаторов. Паллиативы в рабочем вопросе (потребительные и строительные общества и пр.), фабричное законодательство.

VIII) История общественных движений в Европе и полнейшая, подробнейшая — в России. Современное положение и значение всех классов в России (дворянство, духовенство, буржуазия, крестьянство, рабочие; бюрократия, войско, правительство).

IX) Экономическая политика и ее история на Западе и в России. Сущность социализма»²⁵.

Как видим, учебная программа «Социал-демократического общества», руководимого М. И. Брусневым, носила целенаправленный политический характер.

На основе изучения опыта истории, философии и политэкономии члены кружков подводились к пониманию актуальных проблем рабочего и революционного движения. Кружковую пропаганду члены брусневской организации вели дифференцированно. Пропагандистские кружки делились на два разряда: высший и низший. В кружках низшего разряда занимались рядовые члены организации и новички, в кружках высшего разряда — пропагандисты, организаторы и руководители кружков. В кружках высшего типа занимались Е. А. Климанов (Афанасьев), Н. Д. Богданов, А. С. Филимонов, А. Е. Карелин, ткач Ф. А. Афанасьев, токарь Балтийского завода В. В. Фомин, рабочий Резиновой мануфактуры В. И. Прошин и др.; занятия вели М. И. Бруснев и В. Ф. Цивинский.

Кружковая пропаганда организации имела целью воспитание передовых рабочих в духе социал-демократических идей. Брусневцы, по свидетельству современников, стремились выработать из участников рабочих кружков вполне развитых, сознательных социал-демократов, которые бы со временем смогли заменить пропагандистов-интеллигентов²⁶. Основной упор в пропагандистской работе делался на углубленное изучение теории марксизма, накопление знаний в области истории, философии, политической экономии.

Группа Бруснева явилась первой социал-демократической организацией в России, которая пыталась возглавить политические выступления рабочих. Так, по инициативе группы было принято решение об участии рабочих в похоронах писателя-демократа Н. В. Шелгунова, которые превратились в настоящую политическую демонстрацию пролетарского Петербурга. «В демонстрации,— пишет Бруснев,— приняло участие около 70—100 человек рабочих наших кружков, постороннему наблюдателю число участников могло показаться значительно большим, так как к процессии пристало много рабочих, случайно проходивших мимо и привлеченных необычайным зрелищем — участием рабочих с венком в похоронах писателя... Венок рабочие заказали сами, сами же составили надпись: «Указателю пути к свободе и братству»»²⁷.

Полицейские власти незамедлительно обрушили репрессию на участников этой демонстрации. Несколько передовых рабочих были высланы из Петербурга, была усилена слежка за деятельностью брусневской группы в целом. Однако политическая активность организации не ослабла, а возросла. Вскоре рабочие-брусневцы стали готовиться к празднованию 1 Мая 1891 г. Первая маевка рабочих Петербурга состоялась за городом, на взморье у реки Екатерингофки. В ней приняло участие до 80 рабочих. Непосредственное руководство маевкой осуществлялось М. И. Брусневым и В. Ф. Цивиньским²⁸. Маевка была хорошо законспирирована. Как подготовка первомайского собрания, так и его проведение остались вне поля зрения царской охранки. С речами на маевке выступили рабочие Ф. Афанасьев, В. Прошин, Е. Климанов.

Солитаризируясь с рабочими Западной Европы, завоевавшими известные политические права и свободы, ораторы призывали русский пролетариат следовать их примеру, настойчиво и последовательно бороться за

улучшение своего положения. Царское правительство, говорил рабочий Прошин, за малейшее проявление недовольства к существующим безобразиям сажает рабочих по тюрьмам. «Но я надеюсь, — продолжал он, — что такие меры правительства не запугают никого из нас, а лишь только возбудят большую ненависть к нему и к существующему строю, который оно оберегает, и большое желание поскорее добиться такого, при котором не было бы ни бедных, ни богатых, а все бы пользовались счастьем и довольством в равной степени». Речь Прошина заканчивалась следующими словами: «Так будем же, товарищи, развивая и поддерживая друг друга, продолжать начатую борьбу с существующим злом за осуществление Свободы, Истины, Братства!»²⁹

Речи петербургских рабочих получили широкое распространение. Вскоре они были напечатаны на гектографе, а потом неоднократно переиздавались. Русские социал-демократы в течение ряда лет использовали их как пропагандистский и агитационный материал. Деятельность группы Бруснева была отмечена В. И. Лениным: «1891-ый год — участие петербургских рабочих в демонстрации на похоронах Шелгунова, политические речи на петербургской маевке. Перед нами социал-демократическая демонстрация передовиков-рабочих при отсутствии массового движения»³⁰.

Влияние группы М. И. Бруснева выходило за пределы Петербурга, оно распространялось также на Москву, Иваново-Вознесенск, Тулу, другие города Центральной России.

В Москве социал-демократическое движение зародилось еще в первой половине 80-х годов. Уже тогда здесь существовали тайные студенческие общества, занимавшиеся изданием и популяризацией трудов Маркса и Энгельса. В 1889 г. в Московском университете был организован первый марксистский кружок, во главе которого стоял студент естественного факультета В. К. Курнатовский³¹. Кружок вел пропаганду марксизма среди революционного студенчества. Уцелевшие после повторного провала члены кружка Курнатовского образовали новый кружок, известный под названием группы П. М. Кашинского. Именно в эту группу и вступил приехавший летом 1891 г. из Петербурга М. И. Бруснев и стал одним из ее руководителей.

С приездом Бруснева социал-демократическое движение в Москве заметно активизировалось. Произошло объединение ряда кружков, действовавших в различных

районах города; были установлены связи с социал-демократами Петербурга, Риги, Харькова и других городов страны, а также с заграничной группой «Освобождение труда»; налажено регулярное распространение марксистской литературы. Начало 90-х годов в Москве ознаменовалось новым подъемом социал-демократического движения. Среди участников марксистских кружков выделяются такие имена, как Г. М. Круковский, Г. Н. Мандельштам, С. И. Мицкевич, А. Н. Винокуров и др. Это были наиболее подготовленные марксисты, способные руководить пропагандистскими кружками передовых рабочих и революционной интеллигенции. Изучение трудов Плеханова, вспоминал впоследствии Мицкевич, давало ключ к пониманию окружающей действительности. При их помощи «найдена была база для работы, выход из тупика, из тисков казавшейся ранее всесильной реакции. Русский рабочий класс — вот куда надо идти, внести в него светоч научного социализма... Прочитал я тогда вновь и «Манифест Коммунистической партии», и новое громадное впечатление произвел он на меня. Я его понял и понял основы великой историко-философской теории Маркса. Я стал марксистом и на всю жизнь»³².

На Украине, особенно в Харькове и Киеве, ранний период социал-демократии связан с именем Ю. Д. Мельникова (1868—1900). Выходец из семьи мелкого почтового служащего, Ювеналий Дмитриевич получил образование в реальном училище в г. Ромны Киевской губернии. В 1888 г. Мельников приехал в Харьков и устроился слесарем в мастерские Южной железной дороги. В Харькове он вступил в революционный кружок и вскоре занял в нем ведущее положение. Кроме Мельникова деятельное участие в работе Харьковского кружка принимали Д. Бекарюков, В. Перазич, а также Рыбко и Кондратенко. Кружок вел пропаганду среди рабочих. О взглядах участников Харьковского кружка можно судить по их программному документу под названием «Опыт программы русской социально-революционной группы рабочих». Здесь наряду с призывом «насильственно свергнуть существующий строй для замены его лучшим» излагались основные требования программы минимум как в государственно-политической, так и в экономической области. Считая, что свержение самодержавия является ближайшей задачей, рабочая группа должна была развернуть большую подготовительную работу среди крестьян и пролетариев, популяризовать

идеи социализма и установить взаимоотношения между социалистами и революционерами. Программа содержала также требование террористической борьбы³³.

Провал Харьковского революционного кружка сопровождался арестами почти всех его активных членов. В августе 1889 г. был арестован и Ю. Д. Мельников, находившийся в Ростове-на-Дону. После отсидки в «Крестах» он объехал ряд городов (Петербург, Казань, Пенза), познакомился с М. И. Брусневым и другими видными социал-демократами и весной 1892 г. уже зрелым марксистским руководителем прибывает в Киев и возглавляет местную социал-демократическую организацию*. В Киеве революционный талант Ю. Д. Мельникова развернулся в полную силу. Слесарная мастерская на Лукьяновке, которую он организовал ввиду полицейского запрета работать на предприятиях, стала школой социал-демократического воспитания. «Сюда,— писал Б. Л. Эдельман,— приводили наши ученики своих знакомых. Интеллигенты-пропагандисты присылали сюда для последней высшей шлифовки своих слушателей. Сюда приходили интеллигенты всех киевских групп. Здесь некоторые учились говорить и писать понятным для массы языком. ...Душою Лукьяновского клуба был Ю. Д. Мельников»³⁴.

Под идейным влиянием марксистской группы, руководимой Ю. Д. Мельниковым, произошло объединение ряда социал-демократических кружков, действовавших в Киеве, расширилась пропаганда марксизма среди фабрично-заводских рабочих и студенческой молодежи. В 1883—1894 гг. группой Мельникова были установлены связи с социал-демократами Петербурга, Москвы, Нижнего Новгорода и других городов страны.

Широкое распространение получили идеи научного социализма среди революционной интеллигенции и передовых рабочих Польши. Еще в 1881 г. в Королевстве Польском из ряда рабочих и социалистических кружков образовалась единая партия «Пролетариат» — первая революционная партия польского рабочего класса. Одним из ее основателей был Людвик Варыньский. В со-

* Дальнейшая судьба Ю. Д. Мельникова всецело связана с историей 1-го Киевского рабочего комитета, по делу которого он был вторично арестован и просидел в тюрьме с апреля 1896 по январь 1897 г. После третьего ареста в 1898 г. Мельников был выслан в Ромны под надзор полиции, а затем в Астрахань, где скончался 19 апреля 1900 г. (От группы Благоева к «Союзу борьбы» (1886—1894 гг.). Ростов-на-Дону, 1921, с. 114).

ставленной им программе подчеркивалась необходимость развития классового сознания пролетариата и превращения его в самостоятельную политическую силу для борьбы за освобождение от ига капитала³⁵. Выступая за дружбу между польскими и русскими рабочими, отстаивая принципы пролетарского интернационализма, польские социал-демократы развернули активную пропагандистскую деятельность. Ими были выпущены на польском языке «Манифест Коммунистической партии», первый том «Капитала» и другие произведения родоначальников научного коммунизма. Систематически издавались марксистские брошюры и статьи. Так, брошюра Дикштейна «Кто чем живет» была переведена на ряд языков; в русском издании она вышла с предисловием Г. В. Плеханова. С 1884 г. стал выходить теоретический журнал «Валька кляс» («Борьба классов»).

Деятели первого «Пролетариата» находились в тесной связи как с русскими социал-демократами, так и с народолюбцами. После ареста в 1883 г. Варыньского среди польских социал-демократов усилились народолюбческие тенденции. Основной упор в борьбе был перенесен на террористические акты, что привело к снижению идейно-политического уровня организации. Эта первая марксистская организация польского пролетариата разделила суровую судьбу многих революционных кружков и групп, действовавших в России. Она была разгромлена полицией, а ее руководители поплатились жизнью. Однако приостановить рост социал-демократического движения было невозможно. Кружки, уцелевшие от налетов полиции, были вновь объединены во «Второй Пролетариат». С начала 1888 г., то есть со времени появления этой организации, распространение марксизма в Польше стало еще более стремительным.

Летом 1889 г. в Варшаве появилась новая крупная социал-демократическая организация — «Союз польских рабочих». В него вошли многие рабочие кружки и группы интеллигентов. Под руководством «Союза» 1 мая 1890 г. рабочие Варшавы провели первую маевку. Через три года (в марте 1893 г.) кружки «Союза польских рабочих» и «Второго Пролетариата» объединились, и на их основе возникла марксистская рабочая партия «Социал-демократия Королевства Польского» (СДКП). Во главе ее стояли Роза Люксембург, Юлиан Мархлевский и Ян Тышка.

Значительного размаха достигло социал-демократическое движение в городах Поволжья: Казани, Нижнем Новгороде, Владимире, Самаре. Здесь существовали сравнительно небольшие по численности кружки, но они вели активную пропаганду марксизма среди передовых рабочих и революционно настроенной молодежи.

Выдающаяся роль в пропаганде марксизма и организации социал-демократических кружков в некоторых районах Поволжья и Центральной России принадлежит Н. Е. Федосееву (1871—1898). Федосеев, по словам Ленина, «пользовался необыкновенной симпатией всех его знавших, как тип революционера старых времен, всецело преданного своему делу...»³⁶. Родился он в состоятельной дворянской семье, проживавшей в г. Нолинске Вятской губернии. Учился в Казанской мужской гимназии. В конце 1887 г. Федосеев создает в Казани тайный революционный кружок, а затем организует библиотеку, где хранилась как легальная, так и нелегальная литература. Вскоре Николай Евграфович становится видным пропагандистом марксистских идей, искусным организатором и руководителем всего социал-демократического подполья в городе. В кружках Н. Е. Федосеева принимали участие В. И. Ленин и А. М. Горький.

Первоначальный состав центрального казанского кружка Н. Е. Федосеева был немногочисленным. В него входили К. К. Ягодкин, А. А. Сажин, А. А. Сычев, П. Г. Воронин, П. С. Захарова и др.³⁷ Подавляющее большинство кружка состояло из студенческой молодежи. Изучались произведения Маркса и Энгельса, Плеханова. В практику работы кружка была введена постановка докладов и рефератов. Во второй половине 1888 г. в центральном федосеевском кружке обсуждался первый вариант проекта программы, составленный плехановской группой «Освобождение труда». Недостатки проекта — пункт о допустимости индивидуального террора и переоценка влияния интеллигенции на общественное развитие — были подвергнуты серьезной критике. Федосеев особо подчеркивал ведущую роль рабочего класса в революционном движении, а также необходимость укрепления связей городских рабочих с деревенской беднотой³⁸. Он и его ближайшие соратники стремились выработать собственную программу. Однако подготовить ее не успели. Летом 1889 г. полиция нашла на след кружка и разгромила его. В качестве обвиняемых по делу федосеевского кружка было привлечено 36 человек.

Около трех лет просидел Н. Е. Федосеев в царских тюрьмах, но репрессии не сломили мужественного революционера. Оказавшись в 1892 г. на воле, он во Владимире создает из учащейся молодежи социал-демократический кружок, который установил тесные связи с рабочими города и ближайших промышленных районов. Под руководством Николая Евграфовича пропаганду марксизма вели здесь В. В. Кривошениа и А. А. Андриевский.

Большой исторический интерес представляет программа действий рабочих, написанная Федосеевым. В ней воспроизводились основные идеи «Манифеста Коммунистической партии», отмечался положительный опыт рабочего движения на Западе. «Освобождение рабочего класса,— говорилось в программе,— может быть достигнуто только самим рабочим классом. Борясь за свое освобождение, работники борются за совершенное уничтожение всяких общественных неравенств. Экономическое освобождение рабочего класса может быть совершено только насильственным путем, путем захвата политической власти (государственной), всех орудий и средств производства (капитал) из рук хозяев-капиталистов». Особо подчеркивалась необходимость объединиться «в крепкий, стойкий и постоянный рабочий союз»³⁹. Важнейшим условием деятельности такого союза автор считал его тесное единение с рабочими западноевропейских стран, организованными в самостоятельные политические партии. Программа получила распространение в рабочих кружках Орехова-Зуева и Владимира. Влияние Федосеева среди рабочих Центрально-Промышленного района России быстро росло. В сентябре 1892 г. Н. Е. Федосеев был вновь арестован. Царское правительство обрекло его на мучительные скитания по тюрьмам и ссылкам, но теоретическая работа, которую вел Федосеев в неволе, продолжала оказывать воздействие на революционную молодежь. Особое значение имели его труды по вопросам отмены крепостного права, а также знаменательные письма к Н. К. Михайловскому, в которых давался решительный отпор нападкам либеральных народников на теорию и тактику марксизма.

Во всех трех письмах Н. Е. Федосеева к Н. К. Михайловскому просматривается зрелость марксистской мысли автора, его последовательность и бескомпромиссность в защите принципов революционной социал-демократии. Разоблачая грубые и безосновательные нападки главного теоретика либерального народничества на «рус-

ских учеников Маркса», он формулировал вместе с тем основные положения научного социализма о рабочем классе как гегемоне нарастающей буржуазно-демократической революции в стране, о диктатуре пролетариата как необходимом условии революционного преобразования капиталистического общества в социалистическое, о международном характере рабочего движения и др. «...Капитализму и на Руси,— писал Федосеев,— предстоит выполнить ту же историческую миссию, какую он выполняет на Западе»⁴⁰.

Точно и основательно излагает Федосеев мысль о неизбежности появления марксизма в России и насущных задачах социал-демократического движения. Отметим оживление кружковой работы на местах, он призывал к выработке «теоретических начал» мировоззрения и программы практической деятельности. Ближайшую цель социал-демократов как идеологов рабочего класса Федосеев видел в достижении политических свобод, обеспечивающих и социальные права трудящихся. «...Достижение этой цели,— подчеркивалось во втором письме Федосеева к Михайловскому,— составляет насущную необходимость не для одного только фабрично-заводского пролетариата, но для всего трудового класса. Эта цель общенародная. Она составляет важнейший вопрос дня. Мы это имеем в виду и потому будем всеми силами стремиться привлечь к политическому движению русского пролетариата крестьянство; мы будем выяснять этому последнему его классовые интересы, противоположность их с интересами господствующих классов, защищаемых существующей государственной властью; мы познакомим крестьянство с его собственной экономической и политической историей»⁴¹.

В. И. Ленин высоко оценил теоретическую и практическую деятельность Н. Е. Федосеева. Он считал его одним из самых видных пионеров марксизма в России. «Во всяком случае,— писал Ленин,— для Поволжья и для некоторых местностей Центральной России роль, сыгранная Федосеевым, была в то время замечательно высока, и тогдашняя публика в своем повороте к марксизму несомненно испытала на себе в очень и очень больших размерах влияние этого необыкновенно талантливого и необыкновенно преданного своему делу революционера»⁴².

В конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века социал-демократическое движение в России получает свое дальнейшее развитие. Вопреки репрессиям царского

правительства марксистские кружки и группы действовали уже во всех крупных городах страны. Кроме Петербурга, Москвы и Казани они существовали также в Киеве, Харькове, Варшаве, Нижнем Новгороде, Владимире, Самаре, Риге, Вильно, Баку, Тифлисе, Одессе. И повсюду на место разгромленных организаций вставали новые. Так, дело брусневцев в Петербурге продолжил кружок студентов-технологов; бывшие члены Федосеевских кружков Казани организовали марксистский кружок в Самаре. Нередко участники социал-демократических групп, высланных полицией из столицы в другие города страны, становились там вожаками рабочих кружков, пропагандистами идей научного социализма.

Именно в это время началась революционная и социал-демократическая деятельность В. И. Ульянова (Ленина). Владимир Ильич принадлежал к первому поколению русских социал-демократов, но его путь к марксизму не был простым повторением опыта своих старших товарищей. В отличие от Плеханова и других пионеров русской социал-демократии ему не пришлось переживать крах прежних романтических идеалов, отрекаться от догм и иллюзий утопического социализма. Его мировоззрение и политические взгляды формировались в иных исторических условиях, когда рушились устои старой, народнической идеологии и утверждалось новое, марксистское направление в революционно-освободительном движении. «Эпоха воспитала в Ленине,— пишет Н. К. Крупская,— величайшую трезвость мысли, умение глядеть правде в глаза, воспитала ненависть к революционной фразе, умение критически отнестись к действительности...»⁴³

Как известно, еще в Казани (1887—1889 гг.) В. И. Ленин получает первое боевое крещение: он участвует в студенческой сходке и связывается с одним из тайных марксистских кружков, созданных Н. Е. Федосеевым. Об этом раннем периоде своей революционной деятельности Владимир Ильич писал впоследствии: «Весной 1889 года я уехал в Самарскую губернию, где услышал в конце лета 1889 года об аресте Федосеева и других членов казанских кружков,— между прочим, и того, где я принимал участие. Думаю, что легко мог бы также быть арестован, если бы остался тем летом в Казани»⁴⁴.

Исключенный из Казанского университета за участие в студенческих волнениях, Ленин экстерном оканчивает юридический факультет Петербургского университета и поступает на службу помощником присяжного поверен-

ного окружного суда в Самаре. Но не адвокатская практика, а революционная борьба за освобождение угнетенного народа влекла его. В самарском подполье того времени существовало несколько народнических кружков, в которых велись острые споры о судьбах капитализма в России. В один из них, руководимый А. П. Скляренко, и вступил Владимир Ильич. В Самаре он осуществляет перевод «Манифеста Коммунистической партии» на русский язык. С этим переводом «Манифеста» познакомились участники самарских кружков, а затем он был переправлен в Сызрань. «Здесь,— пишет А. И. Ерамасов,— я отдал тетрадь знакомому учителю, который считался у начальства неблагонадежным. По какому-то делу учителя вызвали в Симбирск к директору народных училищ. Мать учителя испугалась, что нагрянут с обыском, и уничтожила тетрадь. Такова судьба этого перевода Ильича»⁴⁵.

Под влиянием молодого Ленина, уже обладавшего широкими теоретическими познаниями, участники кружка Скляренко стали порывать с народническими взглядами и переходить на позиции марксизма. После раскола кружка на стороне Владимира Ильича оказались А. П. Скляренко, А. А. Беляков, М. И. Семенова, И. А. Кузнецов и М. И. Лебедева. Так возник первый марксистский кружок в Самаре во главе с В. И. Ульяновым. Позднее в него вступили В. И. Ионов, И. Х. Лалаянц, С. М. Моршанская и А. М. Лукашевич. Все члены этого кружка были активными помощниками Владимира Ильича в самарский период его деятельности и до конца своей жизни оставались верными марксистами-ленинцами.

Образование В. И. Ульяновым марксистского кружка в Самаре явилось знаменательным событием в истории развития российской социал-демократии. В нем были воплощены лучшие традиции федосеевских кружков, а пропаганда марксистских идей стала более живой и действенной. Не случайно появление этого кружка Владимир Ильич считает началом своей марксистской деятельности. На вопрос анкеты делегатам X съезда партии об участии в революционном движении до 1917 г. он ответил: «1892—1893. Самара. Нелегальные кружки с.-д...»⁴⁶

В кружке Ленина шла напряженная теоретическая работа. Изучались произведения Маркса и Энгельса «Капитал», «Манифест Коммунистической партии», «Анти-Дюринг», «Нищета философии», работы Плеханова

«Наши разногласия», «Русский рабочий в революционном движении» и другая литература научного коммунизма. По свидетельству очевидцев, Ленин был душой кружка и незаурядным пропагандистом идей марксизма. «Если нужно было кому-либо помочь в овладении тем или иным знанием в области марксистской теории,— вспоминал М. И. Семенов,— или убедить заблуждающегося товарища в правильности того или иного положения этой теории, или же доказать ошибочность рассуждений и выводов того или иного автора,— Владимир Ильич не щадил никаких трудов! Он готов был разыскать нужную книгу, даже сделать необходимые выборы, а иногда написать статью, чтобы осветить соответствующий вопрос самым обстоятельным образом. Отсюда и эти многочисленные доклады на кружке по самым разнообразным вопросам марксистской теории, истории и экономики. Агитатор, пропагандист и чуткий, заботливый товарищ сочетались в нем в высокой степени полно и совершенно»⁴⁷.

В. И. Ленин стремился вовлечь в нелегальную социал-демократическую деятельность передовых рабочих. Он горячо призывал самарских марксистов следовать примеру Н. Е. Федосеева, организовавшего рабочие кружки. Когда же такой кружок был создан самарцами среди рабочих железнодорожных мастерских, Ленин прочитал в нем реферат по вопросу о земельной общине, о ее судьбах и путях развития русской революции. Докладчик, по воспоминаниям А. А. Белякова, с необычайной простотой доказал, что земельная община — это сила, тормозящая развитие хозяйства, что расслоение крестьянства и распад его на группы по экономической зажиточности предрешают гибель общины, ее уничтожение. В заключение Владимир Ильич нарисовал очень яркую картину, свидетельствующую, что только пролетариат может свершить революцию, может встать во главе общественного движения и увлечь за собой крестьянство, и закончил словами Плеханова: «Революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих»⁴⁸.

Кружковая работа предъявляла высокие требования к общественным наукам, постоянно побуждала к самостоятельному теоретическому исследованию насущных вопросов революционного движения. В начале 90-х годов, когда борьба с либеральным народничеством переместилась на поприще экономической науки, Ленин проявил особый интерес к изучению данных земской стати-

стики. На основе тщательного их исследования он написал ряд рефератов, с которыми выступил перед членами самарских кружков. Кружковцам были известны ленинские рефераты на книги В. П. Воронцова «Судьбы капитализма в России», Н. Ф. Даниельсона «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства», а также на произведения Н. К. Михайловского, С. Н. Южкова и С. Н. Кривенко. В них подвергались смелой и решительной критике либерально-народнические воззрения на социально-экономическое развитие России, показывался весь вред народнической идеологии для дела русской революции.

Весной 1893 г. Ленин написал первую из дошедших до нас литературных работ «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни». В статье, созданной на базе реферата о книге В. Е. Постникова «Южнорусское крестьянское хозяйство», он, умело применяя марксистскую теорию к анализу экономических процессов, происходящих в деревне, глубоко и последовательно разоблачает народнический миф о крестьянской общине как зародыше и базе социализма. Статья предназначалась для легальной печати*. Поэтому автору пришлось воздержаться от формулирования ряда последовательных социально-политических выводов, которые, впрочем, напрашивались сами собой. Отмечая эту особенность своей ранней работы, Владимир Ильич вспоминал потом, что изложенные в ней положения служили основанием гораздо более важных и гораздо дальше идущих выводов⁴⁹.

Самарский период явился завершающей ступенью в процессе становления молодого Ленина на позициях марксизма. В Самаре он вырос в активного политического деятеля русской революционной социал-демократии, выдержавшего не одну идейную схватку с представителями либерального народничества. Благодаря его энергичной деятельности марксистское направление в

* Статью «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни» Ленин предполагал опубликовать в либеральном журнале «Русская мысль», но она была отклонена как неподходящая к направлению журнала. В письме от 30 мая 1894 г. Ленин сообщал по этому поводу следующее: «Я даже имел наивность послать ее в «Русскую мысль», откуда получил, конечно, отказ: вполне понятно мне это стало, когда я прочитал в № 2 «Русской Мысли» статью о Постникове «нашего известного» либерального пошляка, г. В. В. Нужно ведь иметь такое искусство, чтобы совершенно изуродовать прекрасный материал и замазать все факты фразерством!» (Ленинский сборник, XXXIII, с. 17).

самарском подполье крепло и ширилось. Народники встречали все более решительный отпор. Социал-демократами Самары была установлена связь с революционным подпольем Казани, Сызрани, Саратова и других поволжских городов. Уже эти годы выявили незаурядный талант Владимира Ильича как теоретика и практика марксизма, подготовили его к вступлению на общероссийскую арену освободительной борьбы пролетариата.

Ленин всей душой стремился вырваться из провинциальной Самары в Петербург, центр рабочего движения России. Именно здесь Владимир Ильич от имени передовых рабочих столицы принял эстафету марксизма от Г. В. Плеханова и руководимой им группы «Освобождение труда».

Историческая деятельность пионеров марксизма ставила качественно новую ступень в развитии освободительной мысли в России. Первые социал-демократические организации, возникшие под влиянием плехановской группы «Освобождение труда», развернули пропаганду идей научного социализма среди представителей революционной интеллигенции и передовых рабочих во всероссийском масштабе. Они не только отмежевались от утопических взглядов и ошибочной тактики своих предшественников — революционных народников 60-х и 70-х годов, но и расчистили идейную почву для соединения научного социализма с рабочим движением.

Учение Маркса и Энгельса, воспринятое и развитое представителями первого поколения российской социал-демократии, выводило российское освободительное движение из народнического тупика; оно очищало его от вредных мелкобуржуазных примесей и указывало ему единственно правильный путь к победе над царизмом и капитализмом. Марксизм — это «цельное миросозерцание, непримиримое ни с каким суеверием, ни с какой реакцией, ни с какой защитой буржуазного гнета. Оно есть законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX веке в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма»⁵⁰.

Однако на первых порах в России, как и повсюду в мире, научный социализм существовал обособленно от рабочего движения. Плехановская группа «Освобождение труда» и другие социал-демократические организации 80-х — начала 90-х годов прошлого столетия еще не были связаны с рабочим движением. Их роль огра-

ничивалась пропагандой марксизма среди узкого круга революционеров и выработкой теории и программы для будущей социал-демократической рабочей партии. «Социал-демократия, — писал В. И. Ленин, — существовала без рабочего движения, переживая, как политическая партия, процесс утробного развития»⁵¹.

Обособленное существование научного социализма от рабочего движения — характерная черта российской социал-демократии начального периода. На первых порах она была присуща классовой борьбе пролетариата не только России, но и других стран капиталистического мира. Это объяснялось тем, что рабочий класс в силу своего объективного положения при капитализме не может выработать социалистического сознания. Марксистское учение «выросло из тех философских, исторических, экономических теорий, которые разрабатывались образованными представителями имущих классов, интеллигенцией»⁵². Как известно, основоположники научного социализма также принадлежали по своему социальному положению к непролетарским слоям общества.

Таким образом, «утробный», или «кружковый», период был неизбежным этапом в истории марксизма и рабочего движения в России. «В свое время, — указывал В. И. Ленин, — кружки были необходимы и сыграли положительную роль»⁵³. Деятельность социал-демократов этого периода ускорила процесс создания марксистской партии российского пролетариата.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
--------------------	---

Часть первая ПРЕДШЕСТВЕННИКИ МАРКСИЗМА В РОССИИ

Глава I. Истоки революционно-народнического движения	17
Глава II. Теория и практика действенного народничества	34
Глава III. Революционные народники и первые рабочие союзы	53

Часть вторая ЗАРОЖДЕНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ МАРКСИЗМА В РОССИИ

Глава IV. Исторические условия перехода от народничества к марксизму. Образование группы «Освобождение труда»	69
Глава V. Критика Г. В. Плехановым идеологии и тактики народничества. Теоретические основы социал-демократии	86
Глава VI. Группа «Освобождение труда» и возникновение российской социал-демократии как идейного течения	102
Заключение	130
Источники и литература	148

Костин А. Ф.

К 72 От утопии к науке. — М.: Мысль, 1984. — 156 с.,
8 л. ил.

75 к.

В книге показывается закономерный поворот русской общественной мысли от утопических народнических идей к марксизму, возникновение в России революционной социал-демократии. Автором наряду с документальными материалами использованы труды и воспоминания активных деятелей революционно-демократического и социал-демократического движения того времени.

Для преподавателей, пропагандистов, лекторов.

К 0202000000-210
004(01)-84 52-84

ББК 63.3(2)51
9(С)16